

На правах рукописи

Журавель Ольга Дмитриевна

Литературная культура старообрядцев XVIII–XX вв.

10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Екатеринбург 2014

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук, в секторе археографии и источниковедения

Научный консультант:

профессор, доктор исторических наук, академик РАН
Покровский Николай Николаевич

Официальные оппоненты:

Николаев Сергей Иванович,
доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, ФГБУН Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (ИРЛИ РАН), главный научный сотрудник Отдела русской литературы XVIII века

Рождественская Милена Всеволодовна,
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет», профессор кафедры истории русской литературы

Дергачева-Скоп Елена Ивановна,
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», заведующий кафедрой древних литератур и литературного источниковедения

Ведущая организация:

ФГБУН Институт филологии Сибирского отделения Российской Академии наук, г. Новосибирск

Защита состоится 30 июня 2014 года в 11.00 часов на заседании диссертационного совета Д **212.285.15** на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан « _____ » 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Е.Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Старообрядческая литература сыграла большую роль в сохранении национальных культурных традиций, способствуя аккумуляции духовного и эстетического опыта, сохранению исторической памяти. По словам Д.С. Лихачева, «процесс истории культуры есть не только процесс изменения, но и процесс сохранения прошлого, процесс открытия нового в старом, накопления культурных ценностей»¹. Изучение старообрядческой литературы, в условиях Нового и новейшего времени развивающей древнейшие жанры, воспроизводящей запас устойчивых форм, которые относятся не только к «национальной топики»², но и к базовому фонду европейской культуры, имеет важное значение для более полного и глубокого осмысления проблем русской литературы в целом.

Старообрядчество как крупнейшее в истории России религиозно-общественное движение продолжает находиться в центре внимания ученых. Всесторонне исследуется его история, идеология, благодаря археографическим разысканиям непрестанно расширяется источниковая база. В последние десятилетия выявлено множество сочинений, представляющих интерес не только для историков, но и для филологов, изменилось само представление о масштабах и характере старообрядческой литературы. Вместе с тем обращение к литературной, эстетической стороне письменного наследия старообрядцев долгое время было эпизодичным, а обобщающих исследований старообрядческой литературы и литературной культуры на разных этапах движения в настоящий момент не существует.

Появление сочинений, созданных писателями-старообрядцами, было вызвано разными причинами, лежащими вне сферы чистой эстетики: стремлением обосновать правоту вероучения, опровергнуть позицию идейных противников, запечатлеть историю согласия или зафиксировать проявления святости подвижников. Однако, как и в литературе Древней Руси, независимо от прагматических функций, многие памятники, созданные в полемических, догматических, деловых целях, обладают художественными достоинствами. Вместе с тем это только часть обширной письменной продукции старообрядцев. Для решения проблем идентификации «литературности» текста, установления системных связей и динамических процессов в рамках старообрядческой литературы наиболее актуальным представляется термин *«литературная культура»*.

Понятие литературной культуры позволяет вычленять и рассматривать литературные явления в широких контекстах, с учетом дискурсивных практик, сложившихся в различных историко-культурных ситуациях, делает научно корректными постановки проблем типов творчества и писательских типов, взаимоотношений текста и внелитературной реальности. В рамках литературной культуры литературный факт, текстопорождение и жанровая продуктивность

---

¹ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. С. 364.

² Панченко А.М. Русская культура в канун Петровских реформ. М., 1984. С. 203.

интерпретируются в контексте риторических стратегий, поэтических теорий, а также мировоззренческих позиций и ментальных установок, разделяемых создателями, редакторами и читателями текстов.

Релевантность термина «литературная культура» доказана многими исследованиями. Наиболее результативным следует признать изучение литературной культуры переходных эпох, характеризующихся, как правило, плюралистичностью, разнонаправленностью эстетических исканий, выработкой новых творческих и ценностных установок. В эти эпохи большая часть литературной продукции не претендует на выделение в особую эстетическую область, уровень создаваемых произведений зачастую неровен, между тем только системное изучение разнородных фактов позволяет понять закономерности и причины непрерывного процесса литературного развития. Важным этапом в их изучении стало исследование литературной культуры Петровской эпохи С.И. Николаева¹. Явления светского барокко, представленного творчеством Симеона Полоцкого, других поэтов-силлабиков, успешно изучены в аспекте литературной культуры Л.И. Сазоновой².

В центре внимания диссертации – литературные явления, возникшие в разных идейно-художественных парадигмах. Риторически ориентированная литературная культура Выга, достигшая высшего уровня развития в первой трети XVIII в., существенно отличается от народно-христианской старообрядческой культуры конца XVIII в. – XX вв. На протяжении веков в старообрядчестве действовали разнонаправленные векторы: с одной стороны, независимо от идеологических споров, от разделения на согласия и толки происходил непрерывный процесс накопления, интеграции художественного опыта, с другой стороны, проходили динамические процессы, сопровождавшиеся сменой типов творчества, ведущих эстетических принципов и установок.

Система «книжных авторитетов»³ непрерывно расширялась за счет включения имен старообрядческих писателей, от протопопа Аввакума до наставника урало-сибирских часовенных XX века о. Симеона. Со второй половины XVIII века канонами становятся литературные новации основателей Выговской литературной школы, сакрализуются их личности. Сочинения выговских авторов начала XVIII в. составят авторитетный слой рукописной традиции староверов более поздних поколений, однако они войдут в состав иных художественных систем, ориентирующихся на другие культурные модели. В позднем старообрядческом творчестве вновь становится актуальным воспроизведение традиционных жанровых образцов, авторская точка зрения зачастую выражается, как и в древнерусской литературе, через подборку цитат, сохраняет свое значение принцип компиляции. Писатели-старообрядцы новейшего времени активно включают в свои

---

¹ Николаев С.И. Литературная культура Петровской эпохи. СПб., 1996.

² Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.

³ Покровский Н.Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Вып. 14. Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1978. С. 19-40.

сочинения элементы разных жанров фольклора, от причети до быличек, литература становится более проницаемой для народных религиозно-мифологических представлений. Ярким тому свидетельством является трехтомный «Урало-Сибирский патерик», – историко-агиографическое сочинение второй половины XX в., или творчество Афанасия Мурачева.

Открытие и изучение Выговской литературной школы, начатое Е. В. Барсовым, П.С. Смирновым, В.Г. Дружининым, продолженное Н.В. Понырко, Н.С. Гурьяновой, Е.М. Юхименко и др., позволяет говорить о риторической культуре Выга как о художественной системе, открытой многим культурным веяниям Нового времени, и существенно скорректировать в основе своей верное представление о консерватизме и герметичности старообрядческой культуры. Идея А.М. Панченко о двух основных писательских типах как типах «апостола» и «мастера»¹ была развита Н.В. Понырко, которая привела ряд аргументов, свидетельствующих о том, что писатели Выга в начале XVIII века принадлежали ко второму типу². Они, в отличие от протопопа Аввакума, делали существенное различие между верой и культурой. Это наблюдение, как и ряд других новаторских идей Н.В. Понырко, Н.С. Гурьяновой, открывают дальнейшие перспективы изучения литературы выговских старообрядцев в контексте теорий слова того времени. Богатое литературное наследие выговцев, до сих пор еще не достаточно освоенное, требует дальнейшего изучения.

Представление об объеме этого наследия существенно расширилось в итоге исследований Е.М. Юхименко, выявившей и опубликовавшей сотни памятников словесности, открывшей новые писательские имена и литературные факты³. Работы Е.М. Юхименко, выполненные на пересечении источниковедения, филологии и культурологии, открывают новые возможности для дальнейшего изучения характера и особенностей литературной жизни и литературной культуры Выговского центра. Необходимо, на основе комплексного исследования риторик и литературных текстов, проследить процесс формирования нового типа творчества, выяснить художественные особенности произведений, созданных под влиянием новых эстетических веяний.

Знакомство выговцев с большинством европейских риторик конца XVII – начала XVIII вв. доказано Н.В. Понырко⁴, требуется дальнейшее изучение как заимствованных, так и оригинальных старообрядческих риторик в связи с литературным творчеством, уточнение репертуара и определение места этих книг в литературной культуре старообрядцев. Продуктивность выговских авторов была настолько велика, а перемены, коснувшиеся творческой системы, настолько существенны, что, несмотря на вклад исследователей, многие вопросы, связанные с жанрообразованием, функционированием, художественными особенностями литературных

---

¹ Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 191–193.

² Понырко Н. В. Эстетические позиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси: XVII в. СПб., 1994. С. 111–112.

³ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. I-II. М., 2002; Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: В 2 т. М., 2008. Т. I-II.

⁴ Понырко Н.В. Выговская литературная школа в первой половине XVIII столетия: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Л., 1979; Она же. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154–162.

текстов, остаются открытыми. Малоисследованным остается феномен «выговского барокко» (термин, введенный Н.С. Демковой)¹. В работах Н.В. Поньрко, Е.М. Юхименко приведены факты, свидетельствующие о барочных явлениях в литературе Выга. Однако характер рецепции этого стиля, суть барочной эстетики и концептологии в ее отражении старообрядцами почти не изучены.

Риторика выговских старообрядцев в первую очередь были направлены на проповедническое творчество. Проповедническое начало всегда было актуально в старообрядческой литературе, но именно в начале XVIII в. вырабатываются жанровые формы проповеди, основанной на современных риторических стратегиях. Это совпало с общерусскими тенденциями: десятки, сотни проповедей пишут С. Яворский, Ф. Прокопович, Д. Ростовский. Выговские авторы ориентируются на европейские, южно-русские теории слова, *оставаясь при этом на почве национальных духовных традиций*. На создание новой, действенной проповеди направлены усилия выговских книжников. Андрей Денисов, занимаясь проблемами обустройства пустыни, ведя полемику, от которой подчас зависит само существование Выга, заботясь о насущных нуждах, лично редактирует «Великую науку Раймунда Люллия» (сочинение Андрея Белобочко), трудится над созданием оригинальной Риторики-свода, сочиняет образцы тропов для теоретических разделов, поскольку понимает важность и действенность проповеднического слова. Слово становится подлинным фундаментом Выговского центра, процветавшего на протяжении почти полутора столетий, – уникального образца реализации утопического проекта.

Связь старообрядческой литературы с утопией – еще одно актуальное направление. Старообрядческая утопия не раз становилась объектом интереса со стороны ученых (С. Зеньковский, Р. Крамми, А.И. Клибанов, К.В.Чистов), однако выводы делались на ограниченном материале источников. Литературные сочинения самих старообрядцев почти не использовались в качестве источниковой базы.

Литературная культура Выга должна быть рассмотрена с учетом нового, расширившегося в итоге археографических исследований, контекста старообрядческой словесности. На протяжении веков выговская письменность вливалась в общий поток книжности старообрядцев разных согласий. Сборники и отдельные сочинения, возникшие в выговских скрипториях, разошлись по стране, оказавшись в библиотеках старообрядцев не только поморского согласия. Полемико-догматические, исторические, проповеднические сочинения, созданные в начале XVIII в. в рамках барочных риторических стратегий, переписывались, оказываясь в контексте сочинений более поздних и так или иначе влияя на эстетику словесной культуры. Вопросы литературной преемственности, механизмы передачи литературного опыта заслуживают пристального изучения.

Все более возрастает потребность определить общие художественные тенденции старообрядческой литературы как особой части русской литературы, выяснить основные жанры, не потерявшие своей актуальности в письменности старообрядцев, проследить процесс

---

¹ Демкова Н.С. Литературное наследие Выга // Русская литература. 2003. № 2. С. 194.

жанрообразования, выявить общие темы, мотивы, образы, которые обусловили жизнеспособность старообрядческой литературы на протяжении столь долгого периода. Актуальность диссертационного исследования обусловлена необходимостью изучения как общих констант и тенденций, обеспечивших единство литературной культуры старообрядцев XVIII–XX вв., так и сложившихся в ее рамках основных типов и моделей творчества.

Степень изученности темы

Изучение старообрядческой литературной культуры становится возможным благодаря сложившейся традиции исследования старообрядчества. Уже во второй половине XIX–начале XX вв. в рамках двух научных школ, синодальной и демократической, были выявлены многие существенные особенности истории и идеологии как движения в целом, так и отдельных согласий. Учитывая роль, которую в старообрядчестве играла рукописная книга, наиболее фундаментальными, не утратившими значения работами следует признать те, что базировались на анализе письменных источников, вышедших из среды старообрядчества. К ним относятся труды Е.В. Барсова, Н.И. Барсова, П.С. Смирнова, В.Г. Дружинина.

Первые наблюдения, касающиеся проповеднического творчества Андрея Денисова, сделаны Е.В. Барсовым, Н.И. Барсовым, П.С. Смирновым. По словам Е.В. Барсова, Андрей Денисов «слыл в Поморье не только мудрым философом, но и изящным церковным проповедником», «вторым Златоустом»¹. Н. И. Барсов считал, что основатель Выговской пустыни «безспорно, принадлежит к числу наиболее замечательных русских литературных деятелей эпохи Петра...»². Ряд произведений выговских писателей опубликовал и прокомментировал П.С. Смирнов, он же дал краткую характеристику некоторым литературным сочинениям А. Денисова³.

В.Г. Дружинин впервые обратил внимание на принципиально новый подход выговских авторов к словесным наукам и открыл, по сути дела, Выговскую литературную школу. Он определил круг сочинений, принадлежащих разным писателям Выга, выявил некоторые рукописные риторик⁴, сделал множество наблюдений над почерками⁵ и методами работы выговских книжников⁶. Бесценен его труд «Писания русских старообрядцев», выходящий за рамки

---

¹ Барсов Е. Андрей Денисов Вторушин как выгорецкий проповедник. (Материалы для истории раскола) // Труды Киевской Духовной академии. Киев, 1867. Т. 1 (январь-март). С. 243 – 263; Т. 2 (апрель-июнь). С. 81-95.

² Денисов А. Повесть риторическая о сретении в Москве слона персидского. Послание Андреево с Москвы в общебратство / Сообщ. Н.И. Барсов // Русская старина, 1880. Т. 29. № 9. С. 169.

³ Смирнов П.С. Центры раскола в первой четверти XVIII в. // Христианское чтение. 1909. № 3; Он же. Взгляд раскола на переживаемое время в первой четверти XVIII века // Христианское чтение. 1909. № 5. С. 715-718; Он же. Выговская беспоповщинская пустынь в первое время ее существования: особенности учения и важнейшие события // Христианское чтение. 1910. № 7–8.

⁴ Дружинин В.Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911.

⁵ Дружинин В.Г. Несколько автографов писателей-старообрядцев. С приложением фототипических таблиц / Изд. ОЛДП. СХХХIV. СПб., 1915.

⁶ Дружинин В.Г. Подлинная рукопись Поморских Ответов и ее издание // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. 1912. Т. 17. Кн. 1. С. 53-77; Он же. Поморские палеографы начала XVIII столетия // ЛЗАК. Т. 31. 1921. С. 8-65; Он же. Поморский Торжественник // Сборник статей, посвященных С.Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 34-55.

справочника¹. В.Г. Дружинин определил основные направления дальнейшего исследования книжности Выга, успешно продолженные уже во второй половине XX-начале XXI вв. Н.В. Понырko, А.Т. Шашковым, Н.С. Гурьяновой, А.И. Мальцевым, Е.М. Юхименко, Г.В. Маркеловым, Ф.В. Панченко.

Важное концептуальное значение имеют исследования С. Зеньковского², Р. Крамми³, появившиеся в основном в период, когда исследования в России в области старообрядческой культуры были на время прекращены. Возобновление изучения старообрядчества в отечественной науке произошло с середины XX в. К этому же времени относится начало археографического освоения региональной книжной культуры, существенно расширившего круг источников. В данном направлении немало сделано В.И. Малышевым. Начиная с 1950-х гг. с разных сторон изучается литературное наследие протопопа Аввакума (труды В.И. Малышева, В.В. Виноградова, В.Е. Гусева, А.Н. Робинсона). Важное значение имеют работы Н.С. Демковой: исследовательница проследила литературную историю текста жития, контекстуальные связи памятника. Различные аспекты жанровой специфики Жития Аввакума рассмотрены в трудах П. Хант, М.Б. Плюхановой, А.М. Панченко, Н.В. Понырko, А.И. Клибанова, Н.М. Герасимовой, Н.Ю. Бубнова, А.М. Ранчина. Творчеству соратников Аввакума, деятелей первой волны старообрядчества, посвящены работы Н.С. Демковой, А.Н. Робинсона, Л.В. Титовой, Н.В. Понырko и др.

С середины 1960-х гг. Е.И. Дергачевой-Скоп, Е.К. Ромодановской, Н.Н. Покровским начинается археографическое освоение Сибири, открывшее огромную сферу народной духовной письменности староверов разных согласий, мигрировавших на Восток страны. По словам Д.С. Лихачева, сибирские археографы «открыли не только отдельных авторов и переписчиков рукописей, – они открыли целую сибирскую литературу, разрушили обывательское представление о крестьянах как о людях, не имеющих особых интеллектуальных интересов»⁴. Широкий спектр этих интересов доказывает анализ сочинений, вышедших из-под пера народных богословов и философов. Значительное количество сочинений разных жанров выявлено и опубликовано учеными новосибирского археографического центра⁵.

---

¹ Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленный по печатным описаниям рукописей. СПб., 1912.

² Zenkovsky S. The ideological World of the Denisov Brothers // Harvard Slavic Studies. 1957. Vol. III. P. 49-66; он же. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970; переиздание: М., 1995.

³ Crummey R.O. The Old Believers and the World of Antichrist. The Vyg Community and the Russian State. 1694–1855. Madison, Milwaukee and London. 1970; Крамми Р. Историческая схема выгорецких большеков // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992; Crummey R. O. The Cultural Worlds of Andrei Borisov // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 54. Berlin, 1998. S. 65-70.; Crummey R. O. Old Believers in changing World. Illinois, 2011.

⁴ Лихачев Д.С. Предисловие // Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами. – М., 1984. С. 7. См. также: Покровский Н.Н. Путешествие за редкими книгами. 3-е изд-е, доп. и перераб. Новосибирск, 2005.

⁵ См., например: Духовная литература староверов востока России XVIII-XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1999–2011. Т. 1-3.

В начале 1970-х гг. Н.Н. Покровский осуществил новые подходы к изучению истории и идеологии старообрядчества, важные и для филолога¹. В своих исследованиях ученый важнейшее значение придавал кругу чтения старообрядцев, рукописным и старопечатным книгам, составившим систему «книжных авторитетов». Одним из первых в советское время он поднял проблемы народной духовной культуры, опубликовав архивные источники по проблеме «народного христианства», что имеет важное значение в исследовании народно-христианской литературы старообрядчества².

Н.Н. Покровским выявлена «потаянная» прежде литература часовенного согласия, самого крупного на Востоке России. Им открыт жанр родословий³, изучение которого продолжено затем уральскими и сибирскими учеными, а также круг памятников, свидетельствующих о том, что традиции древнерусской литературы, как и литературы старообрядчества XVII-XVIII в., живы в среде урало-сибирских часовенных XIX-XX вв. Н.Н. Покровским и Н.Д. Зольниковой открыт 3-х-томный Урало-Сибирский патерик⁴, на материале которого мы можем наблюдать эволюцию древнейшего агиографического жанра в XX веке. В совместной их монографии изучены история, идеология, разные жанры письменности часовенных⁵. Работы представителей школы Н.Н.Покровского – А.И. Шашкова, Н.Д. Зольниковой, Н.С. Гурьяновой, Л.В. Титовой, А.И. Мальцева, Н.А. Старухина, М.В. Першиной, Л.Д. Демидовой существенно расширили представление о старообрядческих согласиях и их рукописной продукции. Важное значение для исследования старообрядческой литературы имеют справочники, составленные А.И. Мальцевым, Т.В. Панич, Л.В. Титовой.

Успешно изучается книжно-рукописная традиция Уральского региона. Исторические, источниковедческие труды Р.Г. Пихои, А.Т. Шашкова, В.И. Байдина, А.Г. Мосина, А.В. Полетаева, Е.А. Полетаевой, И.В. Починской. С.А. Белобородова, П.И. Мангилева, Ю.В. Клюкиной выявили огромные пласты старообрядческой книжности Урала⁶. М.Г. Казанцева исследовала традицию духовных стихов, филологические аспекты изучения уральской рукописной, в частности,

---

¹ Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

² Покровский Н.Н. Материалы по истории магических верований сибиряков XVII-XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII-начала XX в.: Сб. науч. трудов. Новосибирск: НГУ, 1975. С. 110-130; Он же. Исповедь алтайского крестьянина // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1978. Л., 1979. С. 49-57.

³ Первые сведения о списках старообрядческих Родословий были получены Н.Н. Покровским в экспедиции 1966 г. См.: Покровский Н.Н. Новые сведения о крестьянской старообрядческой литературе Урала и Сибири XVIII века // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 165-183; Покровский Н. Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII-XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 183-204.

⁴ Собрание Института истории СО РАН, № 4/90-г; № 7/91-г; № 11/90-г; № 5/91-г.

⁵ Покровский Н. Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII-XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

⁶ См., например: Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000; Уральский сборник. Вып. 1-7. Екатеринбург, 1997-2009.

старообрядческой литературы представлены в работах Л.С. Соболевой¹. Большое значение не только для изучения региональной литературы, но и разных жанров, развитых в старообрядческой письменности, в том числе агиографического, имеют разделы, написанные Л.С. Соболевой и ее коллегами в академическом труде «История литературы Урала»².

Большой вклад в изучение рукописной традиции Севера внесли Т.Ф. Волкова, М.В. Мелихов, Е.А. Рыжова, Н.В. Савельева, А.Н. Власов, Е.В. Прокуратова, ученые Петербургской школы, на протяжении десятков лет участвовавшие в полевой археографической работе.

С 1970-х изучение выговской литературы успешно продолжила Н.В. Понырko. На большом рукописном материале она показала, что выговские старообрядцы знали многие современные им европейские риториконцы конца XVII–начала XVIII вв., а на их основе создали обобщающие труды – Риторикон-свод (после 1726 г.) и Поморскую риторикон (середина XVIII в.). Важное значение для уяснения места выговских авторов в культурной ситуации переходного периода имеют наблюдения Н. В. Понырko над силлабическим творчеством выговцев³.

Существенно расширяют научные представления о месте старообрядцев в культуре Нового времени труды Н.С. Гурьяновой, показавшей влияние риторикон на исторические сочинения, изучившей старообрядческие эсхатологические взгляды и воздействие наследия Киевской митрополии на книжную культуру Выга⁴. В работах Н.С. Гурьяновой и Р.О. Крамми выявлены ключевые историософские идеи выговских старообрядцев⁵.

Трудно переоценить значение исследований Е.М. Юхименко, разносторонне изучившей историю, культурную и духовную жизнь Выговской пустыни, вновь открывшей библиотеку Выговского общежития, обнаружившей пропавшие тома Четких Миней братьев Денисовых и сотни памятников книжности. Исследовательницей открыты новые имена писателей, опубликовано множество сочинений выговских авторов, проанализированы их источники и проведена атрибуция⁶. Е.М. Юхименко высветила и различные аспекты связи выговских старообрядцев с Уралом и Сибирью.

---

¹ Соболева Л.С. Рукописная словесность Урала: наследование традиций и обретение самобытности: В 2 т. Т. 1. Рукописный облик устного слова. Екатеринбург, 2005; Рукописная традиция строгановского региона. Екатеринбург, 2005. Т. 2.

² История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. / Глав. ред.: В.В. Блажес, Е.К. Созина. М., 2012. С. 182–209 (глава 4. Агиографические памятники русской литературы Урала).

³ Понырko Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 274–290.

⁴ Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988; Она же. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996; Она же. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.

⁵ Гурьянова Н.С., Крамми Р.О. Историческая схема в сочинениях писателей выговской литературной школы // Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Сб. науч. трудов. Под ред. Е.М. Юхименко. М., 1994. С. 120–138.

⁶ Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. Т. I–II. М., 2002; Юхименко Е.М. Литературное наследие Выговского старообрядческого общежития: В 2 т. М., 2008. Т. I–II. См. также: Юхименко Е.М. Неизвестный писатель XVIII в. Василий Данилов Шапошников // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 441–452; Она же. Родственные связи на Выгу в первой половине XVIII в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 171–186; Она же. Реальные герои выговских чудес // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 112–117; Она же. Старообрядческая агиография конца XVIII в. // Герменевтика. М., 2000. Сб. 10. С. 563–615; Она же. Ранняя выговская агиография: Житие Ивана Внифатьева // О древней и новой русской

Представление о выговской рукописной традиции новыми данными дополнили Н.Ю. Бубнов, Г.В. Маркелов, Ф.В. Панченко. В контексте народной культуры, с использованием данных фольклора и этнографии в трудах А.Б. Мороза¹, А.Н. Власова², А.А. Панченко³ изучается поздняя агиографическая традиция, что имеет принципиально важное значение для изучения новейшей старообрядческой литературы. При определении методологических призм в исследовании старообрядческого материала важны результаты исследований А.В. Пигина⁴.

С разных сторон утопическое сознание и литературная утопия изучаются историками, фольклористами, филологами. Не теряют своей ценности подходы С. Зеньковского, сделавшего первые наблюдения о мировоззренческом контексте и генезисе ряда текстов выговской традиции, а также А.И. Клибанова, Р. Крамми и К.В. Чистова, который выработал типологию утопических текстов, использовал письменные источники при изучении фольклорных явлений.

Таким образом, в настоящее время накоплен и продолжает расширяться значительный источниковый материал, свидетельствующий о богатой литературной традиции, сложившейся в старообрядчестве. Изданы отдельные памятники, сделаны наблюдения относительно таких жанров, как эсхатологические трактаты, духовные стихи, вопросо-ответные сочинения, с разных сторон изучалась старообрядческая публицистика. Немало сделано в освоении выговского этапа старообрядческой литературы, при этом, несмотря на значительный вклад в изучение письменного наследия выговских старообрядцев, многие направления исследований остаются актуальными. Это обусловлено и огромным объемом литературного наследия выговских авторов, и масштабом преобразований в сфере теории слова.

Вновь открытые в результате археографических работ рукописные памятники нуждаются в научном осмыслении, в установлении типологических, контекстуальных связей. Важной задачей является определение внутренних преемственных линий, обеспечивших непрерывное развитие старообрядческой литературы как особой ветви русского литературного процесса.

В медиевистике, филологической науке, фольклористике разработаны подходы к изучению феноменов, типологически или генетически близких к предмету рассмотрения. Категориальный аппарат, практический и теоретический опыт исследования риторических учений, народной

литературе: сборник статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой / Отв. ред. М.В. Рождественская; Сост.: А.Г. Бобров, Т.Ф. Волкова, И.А. Лобакова, М.В. Рождественская. СПб., 2005. С. 153–170; Она же. «Егда же к нам, недостойным, принесется честная епистолия твоя...» (круг памятников, связанных с новгородским заключением Семена Денисова в 1713–1717 гг. // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 806–832; Она же. Чети Миней братьев Денисовых: новые находки // Русская агиография. Исследования. Материалы. Публикации. Том II. СПб., 2011. С. 302–308 и др.

¹ Мороз А.Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2009.

² Власов А. Н. Сказания и повести о местночтимых святынях и чудотворных иконах Вычегодско-Северодвинского края XVI–XVIII веков: Тексты и исследования. СПб., 2011.

³ Панченко А.А. Иван и Яков – необычные святые из болотистой местности: «Крестьянская агиология» и религиозные практики в России Нового времени. М., 2012.

⁴ Пигин А.В. Из истории русской демонологии XVII века. Повесть о бесноватой жене Соломонии. Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998; Он же. Видения потустороннего мира в русской рукописной книжности. СПб., 2006.

агиографии, топики культуры и жанровой топики, исследований утопического сознания создают условия, делающие возможным изучение старообрядческой литературной культуры.

Источниковая база. Комплексному источниковедческому, кодикологическому, текстологическому изучению подвергнуты материалы из фондов отделов рукописей РГБ, ГИМа (г. Москва), БАН, РНБ, Древлехранилища Пушкинского Дома (Институт русской литературы РАН, г. Санкт-Петербург), а также из собрания рукописей Института истории СО РАН (г. Новосибирск). Исследовано более 100 рукописных сборников, в научный оборот введен значительный массив новых нарративных источников, риторических и поэтических текстов.

Важнейшим источником для изучения литературной культуры Выга послужили риторические сборники, содержащие комплексы риторик или фрагментов из них, а также сочинения, созданные по их образцам. В целом проанализировано около 40 объемных риторических сборников. К анализу привлекались тематические сборники (Антология сочинений Андрея Денисова по 7 спискам, 5 из которых выявлено впервые), сборники пестрого состава, включившие сочинения старообрядческих авторов, сборники духовных стихов. Сочинения, составившие объект исследования, рассматривались во взаимосвязи с другими старообрядческими сочинениями, - догматическими, полемическими, историко-агиографическими, а также в контексте памятников древнерусской и раннехристианской литературы. Главным источником для наблюдений над эволюцией агиографического жанра в новейшее время послужил 3-х-томный «Урало-Сибирский патерик».

Объектом исследования являются памятники литературного творчества старообрядцев XVIII-XX вв., рассмотренные во взаимосвязи с риториками и в жанровом контексте.

Предмет исследования: литературная культура старообрядчества XVIII-XX вв. как динамическое единство.

Цель исследования: выявить и изучить основные явления и процессы, конституирующие литературную культуру старообрядцев на разных этапах ее истории и обеспечившие ее креативный потенциал и преемственность литературных традиций.

Для решения обозначенной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

– охарактеризовать формирование новой концепции творчества в литературной культуре Выга начала XVIII в.;

– уточнить особенности рецепции риторических учений старообрядцами Выга;

– выявить структуру, стилистику и проблематику старообрядческой проповеди;

– определить изменение принципов творчества в поздней старообрядческой литературе;

– исследовать соотношение книжных и фольклорных традиций в литературном творчестве XIX-XX вв.;

– выяснить мифопоэтическую основу и литературные реализации старообрядческой утопии;

– выявить жанры, обладающие наиболее креативным потенциалом;

- проследить традицию книжных плачей в старообрядческой литературе;
- охарактеризовать особенности репрезентации житийного жанра в старообрядческой литературе.

Научная новизна. В диссертационном исследовании впервые проведен обобщающий анализ старообрядческой литературной культуры на разных этапах ее развития. На большом рукописном материале, в значительной мере впервые введенном в научный оборот и охватывающем разные периоды развития старообрядческой литературы, впервые разносторонне исследована ее художественная специфика: установлены общие константы, которые определяют своеобразие и единство старообрядческой литературы, выявлены и изучены ведущие эстетические принципы и ориентиры, специфические образные средства, историко-философские идеи и мифологемы, составившие фундамент литературной культуры.

Открыты и впервые исследованы сочинения писателей, созданные в рамках рукописной старообрядческой культуры XVIII-начала XXI вв., в том числе оригинальные литературные сочинения народных писателей-старообрядцев новейшего времени: А.М. Запьянцева, о. Симеона, А.Г. Мурачева и др. Выявлены новые списки риторик, старообрядческих сочинений, Антологии сочинений Андрея Денисова, уточнена атрибуция многих текстов, среди которых – сочинения Андрея и Семена Денисова, анонимных авторов. Определены почерки многих рукописей, позволившие уточнить атрибуцию и проследить процесс редактирования текстов.

Уточнен репертуар риторических учений, имевших место в литературной культуре Выговских старообрядцев. Впервые выявлены особенности рецепции барочных риторик старообрядцами (Софрония Лихуда, Козмы Афоноверского, Андрея Белобоцкого). Открыта выговская рукопись русского перевода сочинения по гомилетике киевского богослова Иоанникия Галятовского «Ключ разумения» (Собрание Института истории СО РАН, № 97/70), что является еще одним свидетельством интереса старообрядческих книжников к наследию Киевской митрополии. Доказано, что Риторика-свод (БАН, Собрание Дружинина, № 122) представляет собой две оригинальные риторики, собранные под одним переплетом, каждая из которых имеет ярко выраженный барочный характер (Риторика-свод I и Риторика-свод II).

Книги по риторике, принятые на Выге, впервые рассмотрены как своеобразные четьи сборники, привнесшие в литературную культуру старообрядцев барочные и просветительские идеи. Впервые изучен феномен риторического сборника как фактора литературной культуры, объединявшего тексты риторик и проповедей.

Впервые на основе исследования рукописей доказано, что старообрядческие книжники большое значение придавали учению философа и ритора, поэта барокко Яна (Андрея) Белобоцкого. На основе анализа редакторской работы Андрея Денисова над «Великой наукой Раймунда Луллия», а также на материале проповедей, созданных на ее основе, доказан интерес лидера выговских старообрядцев к идеям Белобоцкого. Выявлено, что Белобоцкий стал одним из

проводников европейских философских и риторических идей в литературную культуру старообрядцев, а «русское люллианство» сыграло важную роль в выработке методологических основ выговской литературной школы.

Существенно расширены представления об открытости старообрядческих книжников раннего Нового времени культурным новациям в области методологии и эстетики словесного творчества, доказано проникновение европейских философских идей в культуру старообрядчества. Выявлены новые аспекты процесса европеизации русской культуры, затронувшего литературную культуру старообрядцев.

Впервые показана конструктивная роль риторических стратегий в проповедническом творчестве, выявлены способы создания литературных текстов на основе риторик. Обнаружено, что большинство сочинений Андрея Денисова, включенных в его Антологию 1764 г., составлено из парадигм Риторики-свода. В составе Риторики-свода выявлено значительное количество оригинальных старообрядческих сочинений, в основном Андрея Денисова, что впервые позволило проследить процесс текстопорождения выговской проповеди. Структурно-семантический анализ сочинений впервые осуществлен с учетом теоретических положений, актуальных для их создателей, ориентирующихся на конкретные риторики.

Впервые на основе комплексного изучения риторических сборников и литературных текстов сделаны выводы о радикальной смене типа творчества в старообрядческой литературе в начале XVIII века, охарактеризованы основные принципы и направления модернизации литературного творчества. Показано, что в их основу была положена рационализация творческого процесса. Доказано, что профетический принцип *imitatio* сменяется следованием риторическим моделям и образцам. Охарактеризована концепция «любомудрия», отразившая формирование нового типа творчества в выговской литературе, впервые выявлены ключевые образы и мифологемы, репрезентующие новую концепцию творчества в литературных текстах.

Впервые на основе риторик и сочинений выговских авторов выявлены важнейшие барочные концепты (представление о времени и быстротечности жизни, о мимолетности красоты, о противоречивости человеческой натуры), охарактеризована структура и поэтика барочной проповеди. Показано, что семантическая структура барочной проповеди формировалась за счет системы ключевых слов, выявлена их связь с логико-философскими категориями барочных риторик.

Впервые на материале рукописных сочинений писателей-старообрядцев охарактеризована философско-нравственная проблематика старообрядческой проповеди, в частности, впервые выявлена антропологическая тематика. На основе анализа неизученных прежде сочинений, посвященных проблеме человека (сочинения Андрея и Семена Денисовых, писателя начала XX века А.М. Запьянцева), прослежены особенности антропологической конструкции старообрядцев и проведены связи с догматическим оправданием бессвященнической практики в старообрядчестве.

Впервые на основе обширного рукописного материала (старообрядческие сочинения разных жанров – проповеди, слова и поучения, духовные стихи) реконструирована структура старообрядческой утопии, показана моделирующая роль слова в ее создании. Доказано, что прагматика проповеди начала XVIII в. в значительной степени была обусловлена целью создания Выговской утопии.

Впервые исследованы традиции древнерусских плачей в старообрядческой литературе. Креативный потенциал этого жанра продемонстрирован на обширном литературном материале, почти исключительно впервые введенном в научный оборот. В аспекте наследования жанровых традиций книжных плачей впервые рассмотрены неизученные ранее сочинения Андрея Денисова, другие произведения, в том числе современных старообрядческих авторов, выявлены жанрообразующие черты старообрядческих плачей.

Впервые охарактеризованы особенности репрезентации агиографического жанра в старообрядческой литературе XX в., изучена роль жанровой топики в структуре агиографических нарративов Урало-Сибирского патерика. Выявлена идеологическая преемственность и текстуальные связи с выговской литературой. На материале Урало-Сибирского патерика впервые показаны способы работы современного старообрядческого агиографа.

Впервые доказано, что, наряду с ориентацией на книжные традиции, старообрядческие авторы разных поколений опирались на глубинные народно-мифологические представления, среди которых – мифологема матери-земли, архетипические представления о Святой Земле, о рае.

Теоретическая значимость работы. В работе вводятся в научный оборот не известные ранее филологические факты, касающиеся литературного творчества староверов, которые формируют представление о типах и конституирующих особенностях литературной культуры. Показана теоретическая платформа Выговской литературной школы, обозначены ключевые особенности риторически ориентированной литературной культуры. Проведенное исследование важно для расширения научных знаний об основных писательских типах и типах творчества, о механизмах взаимосвязи между теоретическими трудами по поэтике и риторике и литературными текстами. Исследование дает материал для изучения взаимоотношений между текстом, автором (редактором) и читателем, а также для теоретических выводов о способах текстопорождения в традиционалистски ориентированной литературной культуре, о проблеме авторства.

Результаты реконструкции духовной жизни и литературной культуры старообрядчества могут быть использованы при разработке теоретических проблем, связанных с выявлением закономерностей русского литературного процесса, в частности, в переломные моменты развития, а также при осмыслении сложных механизмов взаимовлияния культурных новаций и национальных традиций. Изучение позднего традиционалистского творчества старообрядцев имеет значение для исследования процессов взаимодействия книжности и фольклора, взаимосвязи авторского творчества и мифопоэтических моделей и архетипов.

Итоги работы могут быть полезны в дальнейших исследованиях по изучению структуры, поэтики и типологии традиционных жанров, таких как книжная проповедь, книжные плачи, житийный жанр, в исследованиях по исторической поэтике.

Представлен практический и аналитический материал для дальнейшего изучения рецепции в русской литературе стиля барокко, для теоретического обоснования методологических основ «московского» и «выговского» барокко.

Теоретическая значимость диссертации заключается также в расширении границ мифопоэтического подхода, который может быть оказаться полезен как в изучении народной, так и элитарной литературной культуры, к которой относится литература Выга начала XVIII в., в дальнейших исследованиях по изучению закономерностей русского литературного процесса, в частности, при изучении литературной и культурной топики, механизмов, обеспечивающих устойчивые формы и «память культуры».

Практическая значимость. Результаты исследований использовались в работе спецсеминара «Русская литературы и традиции духовной культуры» в Новосибирском государственном университете (2005–2013), в экспедиционной работе Новосибирского археографического центра, в подготовке печатных описаний Собрания рукописей Института истории СО РАН. Материалы диссертации могут быть использованы при дальнейшем изучении старообрядческой рукописной традиции, при подготовке описаний рукописных собраний, в археографической полевой и камеральной работе, при создании учебных пособий и подготовке вузовских курсов по истории русской литературы и духовной культуры, истории и литературе старообрядчества, в подготовке спецкурсов по древнерусской книжности, по истории риторических учений и проблемам народной культуры.

Методологическая основа. В основе работы лежат *системный и междисциплинарный подходы*. Системный подход, предполагающий связь классических методов изучения рукописных памятников (текстологического, кодикологического, источниковедческого) с историко-литературным, историко-функциональным, сравнительно-историческим, структурно-типологическим и структурно-семиотическим методами, особенно важен в изучении феномена старообрядческой литературной культуры с ее сложными внутрисистемными и контекстовыми связями. В изучении разных этапов литературной истории старообрядчества применялся культурно-типологический и сравнительно-типологический метод. Исследование прагматики литературных текстов, их функционирования в разных историко-культурных ситуациях потребовало применения историко-функционального метода. Выявление ключевых мифологем и архетипических представлений проводилось на основе мифопоэтического подхода. В реконструкции утопического сюжета, структурно-семантическом анализе сочинений использовалась методика мотивного анализа, разработанная в рамках структурно-типологического метода.

В реализации подходов к изучению литературной культуры, литературного факта, в идентификации понятия «литературности» и изучении динамических процессов использовались теоретические достижения Ю. Тынянова, Б. Эйхенбаума, Р. Якобсона, а также С.И. Николаева и Л.И. Сазоновой. В изучении проблем художественной специфики, жанрообразования старообрядческой литературы, в анализе взаимосвязей с фольклором использовались методологические и теоретические подходы, выработанные в трудах филологов-медиевистов ведущих отечественных научных школ. Важное значение имеют работы ученых ленинградско-петербургской школы медиевистики, прежде всего В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, Л.А. Дмитриева, О.В. Творогова и др., развивших традиции академической науки второй половины XIX-начала XX вв.

В исследовании жанровой структуры житийного жанра неоценимыми оказались исследования литературного этикета, «общих мест», топики древнерусской литературы, начатые А.С. Орловым, В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачевым, А.М. Панченко, О.В. Твороговым, и плодотворно продолженные в трудах по жанровой специфике агиографии Е.Л. Конявской, Т.Р. Руди.

В исследовании процесса адаптации европейских риторик и смены теории текста в литературной культуре старообрядцев важное значение имеют труды С.С. Аверинцева, Б.А. Успенского, В.В. Калугина, С. Матхаузеровой, Р. Пиккио, Л.М. Сазоновой. Рукописная история, источники, концепции ранних русских риторик изучались Д.С. Бабкиным, В.П. Вомперским, В.Н. Аннушкиным, Т.В. Буланиной. Особенно важное методологическое значение для работы имеют исследования Р. Лахман, изучившей ряд риторических концепций конца XVII-XVIII вв., а также Е.В. Маркасовой, которая на основе рукописных риторик, в том числе выговских, провела анализ риторической стилистики. Исследование рецепции старообрядцами литературного стиля барокко опиралось на труды Д. Чижевского, Д.С. Лихачева, И.П. Еремина, А.М. Панченко, Л.И. Сазоновой, Л.А. Черной, В.М. Живова.

В изучении старообрядческой литературы, тесно связанной с книжными и фольклорными традициями, основанной на актуализации идеологических, эсхатологических, догматических проблем, плодотворным является *междисциплинарный подход*, в котором учитываются научные достижения и методы смежных наук: истории, в частности, истории старообрядчества, фольклористики, культурологии. В исследовании литературного творчества старообрядцев, находившегося под сильным влиянием фольклора, народных религиозно-мифологических представлений, методологически важными являются подходы, выработанные в исследовании проблем народной культуры Средневековья (работы Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, Е.В. Аничкова, Н.Н. Гальковского, ученых французской школы «Анналов», а также А.Я. Гуревича, Б.А. Рыбакова, М.М. Громыко, Н.Н. Покровского).

Положения, выносимые на защиту

1. Под влиянием европейских риторических учений в литературной культуре выговских старообрядцев в начале XVIII века происходит утверждение нового типа творчества. Принцип *imitatio*, господствовавший в Средневековье, сменяется установкой на создание текстов по моделям, диктуемым риториками. Утверждение нового типа творчества сопровождается теорией «любомудрия», выраженной в риториках и литературных текстах.

2. Новая теория слова нашла главное выражение в проповедническом творчестве выговских старообрядцев. Жанровая типология выговской проповеди определяется ориентацией на структурные модели, предписанные риториками. Все формы барочной проповеди, описанные в риториках, отражены в творчестве основоположников Выговской литературной школы, Андрея и Семена Денисовых.

3. Важным фактором литературной культуры старообрядцев был риторический сборник как концептуальное единство, объединявший тексты разных риторик и литературных сочинений, созданных на их основе и отражавший идейно-эстетические вкусы книжников.

4. Наибольшей популярностью у выговских книжников пользовались барочные риторики, сыгравшие роль трансляторов в литературную культуру Выга новых эстетических веяний. Риторические сборники воспринимались не только как теоретические и практические пособия по составлению проповедей, но и служили своеобразными четкими книгами. «Парадигмы», важная структурная составляющая выговских риторик, отразили культурные стили, в контексте которых они были созданы, барочно-гуманистические и просветительские идеи.

5. Барочные идеи глубоко проникли в старообрядческую проповедь начала XVIII в., что нашло отражение в восприятии ключевых барочных тем и концептов (*memento mori*, мимолетности красоты и земной жизни, проблема времени), в концепции человека, в творческой реализации принципа «остроумия». В рамках стиля барокко созданы самобытные художественные памятники, написанные в жанре проповеди («Слово плачевно о злостраданиях и скорбях Церкви Христовой», «Послание риторическое о встрече в Москве персидского слона», «Сотове медовни, словеса добра» Андрея Денисова, Слова о времени и человеке Андрея и Семена Денисовых и др.) продолжавшие свою жизнь в письменной традиции следующих поколений старообрядцев.

6. Важную роль в выработке философско-эстетических основ выговской литературной школы сыграло «русское люллианство», представленное сочинениями барочного поэта, философа и ритора Андрея Белобочко. Под влиянием его сочинений происходила не только модернизация принципов творчества, но и усвоение ряда идей европейской философии. Комплексный анализ редакторской работы Андрея Денисова над «Великой наукой Раймунда Луллия» и его собственных сочинений свидетельствует об интересе старообрядческого писателя к философской проблематике и к новой теории текста.

7. В качестве теоретической основы выговской литературной школы утверждался рационализм, ориентация на риторические модели и логизация творческого процесса, а также

поиск внутренних органичных соответствий между словом, понятием и сущностью, успешность которого гарантировало умелое применение метода Белобоцкого.

8. На основе риторических учений формировалась стилистика и семантика барочной проповеди старообрядцев. Слово становится в барочной проповеди иконическим знаком, семантическая структура барочной проповеди старообрядцев формируется системой ключевых слов, что согласовывалось с риторическим учением о фигурах речи.

9. В проповеди старообрядцев-беспоповцев уделено внимание антропологической проблематике. Обращение к теме, традиционной для святоотеческой литературы, было обусловлено потребностью осмыслить концепт человека в новой ситуации бессвященнической практики. Концепция человека Андрея и Семена Денисовых отразила барочные и гуманистические идеи, привнесенные риториками. Тексты, акцентирующие идею человека как микрокосма, обнаруживают следы воздействия как христианских апологетов – от Григория Богослова до Лактанция, так и идей европейских гуманистов. Человек представлен как венец творения, подчеркнута его прямая и непосредственная связь с Богом.

10. Жанровой доминантой старообрядческой проповеди на разных этапах является смысловая двуплановость, выраженная через систему иносказаний (от метафор до развернутых аллегорий), через включение в архитектуру барочной проповеди в качестве «парадигм» малых жанров – эмблемы, притчи, басни. Формой иносказания в поздней старообрядческой проповеди служит притчевый дискурс, основанный на переложении и актуализации сакральных, в частности, евангельских сюжетов и тем («Слово о Марфе и Марии» и «Благовещение Пресвятыя Богородицы и Рождество Христово» Афанасия Мурачева, сочинения о Симеоне).

11. В памятниках старообрядческой письменности нашел литературную реализацию утопический текст, обусловленный глубинными идеологическими установками. Старообрядческая утопия является отражением мифопоэтического сознания и актуальна на всех этапах развития движения. Расцвет старообрядческой духовной культуры в первые десятилетия XVIII в. стал возможен не только благодаря организаторским способностям его основателей, но и вследствие того значения, которое выговские книжники придавали слову, в дальнейшем утопия поддерживается мифопоэтическими представлениями и фольклорными традициями.

12. Утопический текст представлен комплексом мотивов, имеющих разное происхождение и составивших динамичное единство, эволюционировавшее на протяжении времени. В старообрядческой утопии сочетаются элементы как временной, так и пространственной утопии. Утопический текст основан на актуализации эсхатологической символики, включает представления о минувшем «золотом веке» русского православия и трансцендентное видение особой роли старообрядчества в мировой истории, а также включает систему мотивов, основанных на мифологемах («век» как особое время-пространство, архетип Святой Земли и другие).

13. В старообрядческой литературе актуализируется и обретает новую жизнь древнерусский жанр книжных плачей, изначально тесно связанный как с книжными (библейскими), так и с фольклорными традициями. Общей архетипической основой сочинений, продолжающих традиции книжных плачей, являются образы и интонационная структура фольклорных lamentаций.

14. В старообрядческой литературе обнаруживает креативный потенциал агиографический жанр. На разных этапах развития старообрядческой агиографии актуально персоналистическое начало, опора на ключевые историософские идеи, связанные с осмыслением старообрядцами собственного места в универсальном потоке истории. Репрезентация агиографического жанра в позднейшем старообрядческом творчестве выразилась через систему традиционных житийных топосов. Типизация по агиографическому типу совмещается в поздней агиографии с прорывом стихийного реализма, а также с проникновением фольклорных жанров и народно-мифологических представлений.

15. Между разными этапами старообрядческой литературы существовали преемственные связи, выраженные в общности жанровых традиций, сюжетного фонда, тем и образов, принадлежащих к «национальной топики». Традиционная литературная культура, развивавшаяся в рамках движения старообрядчества, является неотъемлемой частью общерусского литературного процесса.

Апробация результатов исследования. Основное содержание диссертации представлено в монографии «Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика» (Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 27 п.л.), а также в 56 других научных трудах, в том числе монографических изданиях источников и коллективных монографиях. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях сектора археографии и источниковедения и Ученого совета Института истории СО РАН, были представлены в виде научных докладов на международных, всероссийских и межрегиональных конференциях, в том числе: Международная научная конференция, посвященная 40-летию археографической работы в Новосибирском археографическом центре (декабрь 2005 г.); Международная научная конференция «Нарративные традиции славянских литературы» (Институт филологии СО РАН, июнь 2006 г.); Международная научная конференция «Третьи Ремезовские чтения. Провинция в культуре: литература, искусство, быт» (Тобольск, 27 мая–1 июня 2007 г.); Международная научная конференция «Демонология как семиотическая система. Изображение. Текст. Народная культура. (Москва, РГГУ, 18–19 июня 2010 г.); Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Россия и Запад в переходный период от средневековья к новому времени (XVI–первая половина XIX в.)» (Екатеринбург, 14–17 октября 2010 г.); III Конференция Международного Научно-исследовательского Центра «Россия-Италия» «Россия–Италия–Германия: литература путешествий» (Томск–Новосибирск, 26 сентября – 2 октября 2012 г.);

Международная научная конференция в рамках Международного симпозиума «Культурные элиты России в контексте европейского инновационного процесса» «VII Археографические чтения: Культурные элиты России: истоки формирования и модели развития» (Екатеринбург, УрФУ, 24–26 октября 2013 г.); Международная научная конференция «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 23–24 апреля 2013 г.); на Девятых–Четырнадцатых Филологических чтениях (Институт филологии, массовой информации и психологии НГПУ, 2008–2013 гг.) и др.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников, списка использованной литературы и приложения.

Основное содержание работы

Во **Введении** обоснована актуальность темы, рассмотрена степень ее изученности, обозначена источниковая база, определены объект, предмет, цель и задачи работы, представлены научная новизна, теоретическая и практическая значимость, методология и методы исследования, теоретическая основа, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В **главе первой «Литературная культура старообрядцев: риторика как метод»** рассматривается формирование нового типа творчества в литературной культуре старообрядцев Выговского центра в первые десятилетия XVIII в.

В параграфе 1.1. **«Европейские риторики и формирование новой концепции творчества»** на материале риторик и проповедей основателей Выговской литературной школы, Андрея и Семёна Денисовых, прослеживается концепция «любомудрия», тесно связанная с выработкой новых принципов писательского труда. В соответствии с ней утверждался новый тип образованности, основанный на уважительном отношении к риторическому мастерству, философии, грамматике и прочим словесным наукам. Прославление учености и обличение невежества, «простоты», которая трактуется как «буйство» (синоним юродства), – общая тенденция риторик, как заимствованных, так и оригинальных. Данный вывод делается на материале анализа теоретических разделов и иллюстративного материала «парадигм», в том числе составленных старообрядцами. Концепция «любомудрия» нашла художественное воплощение в проповедях братьев Денисовых. В словах Андрея Денисова «Сотове медовни, словеса добра, сласть же их исцеление души...»¹, «Повесть риторическая о сретении в Москве слона персидского»²,

---

¹ Оpubл.: Журавель, О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. С. 359–366.

² Оpubл.: Журавель, О.Д. К изучению поэтического стиля Андрея Денисова: «Послание с Москвы во общебратство» о встрече в Москве персидского слона // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 95–118.

«О любомудрии»¹ и других, в слове Семена Денисова «К некоему премудру мужу о любомудрии»² она выражается через систему ключевых слов и метафор, формирующих лейтмотивы сочинений. К ним относятся метафоры меда, пчел, богатства, золота, солнечного света. В одной из парадигм Андрея Денисова в Риторике-своде и Выг изображен через образ улья, а старообрядцы предстают как трудолюбивые пчелы, собирающие мудрости и трудящиеся на благо общины. Сочинения основателей Выга, прославляющие «премудрость» как соби́рание богатств знаний, уже к середине XVIII в. были признаны образцами словесного мастерства и включались, наряду с риториками, в типовые риторические сборники.

Формирование нового писательского типа и нового отношения к литературному творчеству не привели к отказу от христианского духовного наследия. Старообрядцы воспринимали новшества, основываясь на почве национальных традиций. Они были настоящими «русскими европейцами»³, умело и органично усваивая новые идеи и сохраняя национальную самобытность.

В разделе 1.2. *«Риторика выговских старообрядцев: вопросы рецепции»* уточняется состав риторик, имевших хождение на Выге, делается обзор списков и риторических сборников. Выявляется концептуальная доминанта Риторик Софрония, Козьмы Афониверского, Феофана Прокоповича, прослеживается процесс языковой адаптации переводных текстов. Анализируется работа выговских книжников над рукописями, свидетельствующая не только о высоком интересе к риторикам, но и о высочайшей книжной культуре, уважительном и бережном отношении к книгам, даже вышедшим из-под пера идейных противников.

Барочные риторика Софрония Лихуда и Козьмы Афоноиверского рассматриваются как заметное явление литературной культуры Выга, повлиявшее на ее дальнейшее развитие. Помимо самостоятельного бытования в рукописной традиции Выга, они послужили главными источниками старообрядческих риторик. Большое внимание старообрядцы уделили и Риторике Феофана Прокоповича. Имя известного церковного деятеля Петровской эпохи в ранних списках не упоминалось («иной ритор» – ГИМ, собр. Уварова, 318), однако многие практические идеи были восприняты. Фрагменты из этой риторики также были использованы в Риторике-своде, а в сборниках второй половины XVIII в. он уже называется «знатным российским ритором». Рационализм, логичность и прагматизм риторики Прокоповича сказались на художественных принципах ряда проповедей Андрея Денисова: Слов о молитве, о смирении, о чистоте и др.

Раздел 1.3. посвящен рецепции на Выге *русского люллианства*, корпуса сочинений и переводов Яна (Андрея) Белобоцкого, основанных на наследии средневекового философа-реалиста, поэта Раймунда Люллия. Показано, что все книги Белобоцкого бытовали на Выге: «Великая и предивная наука Раймунда Люллия», Риторика, «Краткая наука», «Наука

---

¹ Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2011. Т. 3. С. 24 (публикация выполнена О.Д. Журавель).

² Дружинин В.Г. Писания старообрядцев. С. 152, № 87.

³ Кантор, В.К. Русский европеец как явление культуры (философско–исторический анализ). М., 2001.

философская». Рассматривается рукописная традиция Риторике Белобочского на Выге, вводятся в научный оборот новые списки, исследуется ее состав. В своей Риторике Белобочский, ориентируясь на современную проповедническую практику, разъясняет способы написания проповеди, дает классификацию форм. Он выделяет шесть основных форм: три «риторические», две философские (основанные на категориях Аристотеля) и одну богословскую, отмечая, что «единою всем поучением положить форму неудобь есть, понеже убо формы емлются от правил разных мудростей ... того ради по разности разумов человеческих и формы разные умножишася». Все эти формы и приемы барочной проповеди использовались Андреем Денисовым.

Кодикологический анализ чернового автографа редакции Андрея Денисова «Великой науки» Белобочского (БАН, собр. Тиханова, № 659) позволил сделать вывод о кропотливой и напряженной работе киновиарха, закончившего труд в феврале 1725 г. Установлено, помимо руки Андрея Денисова, еще три почерка, среди которых - Димитрия Ерофеева и Мануила Петрова. В риторическом предисловии Андрей Денисов сравнивает «Великую науку» с медом и «златыми струями», цель труда метафорически обозначает как желание «от великаго моря в мал сосуд воды почерпнути» и «от многосветящаго солнца в малое оконце луч восприяти». Анализ работы Андрея Денисова выявил его интерес к учению Белобочского, в котором сочетаются рационализм и христианская мистика, идеи Платона и Аристотеля. Вслед за Белобочским он ищет связь между философско-богословскими понятиями, отраженными в таблицах «Великой науки», и словом проповеди.

Большое внимание Андрей Денисов уделил разделу «о естестве». Этот термин трактуется им при помощи таких понятий, как «энс» и «эссенция», которым он находит меткий русский аналог – «истость». Данные понятия, составлявшие основу томистского учения о бытии, оказываются значимы в проповедях братьев Денисовых, в частности, на тему человека. Продуктивными оказались и другие категории, лежащие, по Белобочскому, в основе божественного универсума. Работа над «Великой наукой» отразила интерес Андрея Денисова к двум актуальным проблемам барокко: времени и человека, им редактируются соответствующие разделы, а затем создаются специальные сочинения на эти темы.

Идеи русского люллианства имели продолжение в старообрядчестве и во второй половине XVIII в. Обсуждая вопрос об отношении к царской власти и пытаясь обосновать идею толерантности, Андрей Борисов обращается к категориальному аппарату «Великой науки», ссылаясь на авторитет Андрея Денисова (сочинение «Толкование российского речения: благочестие»). Главной причиной интереса Андрея Денисова и выговских книжников к люллианству было стремление овладеть рациональными способами аргументации, найти новые, действенные принципы словесного творчества, коренящиеся в онтологических категориях.

В параграфе 1.4 *«Риторические сборники как четьи книги»* предложен новый подход к риторическим сборникам. Изобилие парадигм превращало книги по риторике в явления

литературной культуры. Парадигмы Софрония Лихуда, Козьмы Афоноверского, отчасти вошедшие и в оригинальные старообрядческие своды, отразили стремление к созданию пестрой, многообразной картины мира, к энциклопедическому знанию. В них задействован риторически обработанный сюжетный и образный материал из Ветхого Завета, античной мифологии, физиологов, истории (в том числе современной, включая эпоху правления Петра Первого), агиографии. Примеры отразили барочно-гуманистические и просветительские идеи. В них прославляются наука и обучение «художествам»: «Хощеши ли, о младый юноше, путь истинный познати и жизнь веселую и безбедную обрести? Книгам учись. Желаеши ли красоту свою и доброту юнственную бес порока хранить? Писанию учися...». Эта тема найдет поэтическое отражение в виршах, приписываемых Андрею Денисову («Увеселение есть юноши премудрость...»), приведен неизвестный список из сборника РГБ, собр. Егорова, 1992, 1720-е гг.).

Парадигмы риторик отразили идеи, актуальные в культуре барокко: мир как прекрасное, совершенное творение Бога (Библия, Шестодневы, Толковая Палея) предстает в образе лабиринта, подчеркивается контраст между жизнью и смертью. Пример о бренности земной жизни напоминает монолог Гамлета: «В землю, на ней же стоиши, возри человеке, и рцы мне, молю тя, не от сея ли еси взят...» (Риторика Козьмы). Риторика содержит образцы живописной беллетризации агиографических сюжетов (о Моисее Угрине и «ляцкой болярыне»).

Антистарообрядческие «парадигмы» либо сохранялись без изменений (ранние списки Риторика Козьмы), и данный факт объясняется уважительным, бережным отношением к книге, либо исключались (БАН, 21.8.5). Как отметила Н.В. Поньрко, в Риторике-своде данные примеры заменены на «антиниконианские». Анализ позволил сделать выводы о том, что они служили своеобразными упражнениями в риторическом мастерстве. Изменив адресацию на противоположную, старообрядцы решали важные догматические проблемы – вопросы о троеперстии, об отношении к Максиму Греку и др., учась у православного монаха методам риторически вооруженной полемики.

В литературной культуре старообрядцев в XVIII веке риторика стала основой творческого процесса. Риторичность, имманентно присущая византийской и древнерусской традиции, заменялись новыми регламентирующими моделями творчества. Риторика требовали усвоения словесных наук, учили полемизировать и аргументированно строить речь. На основе риторик создавались слова и поучения, исторические и догматические сочинения, попавшие затем в русло рукописной традиции старообрядческой книжной культуры.

В главе второй «Проповедь старообрядцев: особенности поэтики» выявляются особенности художественной структуры, типологии, проблематики старообрядческой проповеди.

Раздел 2.1. «Риторика и жанровая структура проповеди» основан на комплексном изучении выговских риторик и проповедей. Детальный анализ оригинальной Риторика-свода позволил не только существенно уточнить представления о ее структуре и концепции

(обнаружено, что под одним переплетом выговцы поместили две созданные ими барочные риторик), но и выявить *механизм создания барочной проповеди*. Выяснилось, что многие парадигмы этого свода текстуально соответствуют различным фрагментам проповедей Андрея и Семена Денисовых. Почти все слова Андрея Денисова, представленные в Антологии (1764 г.), оказались составлены, как из кусочков мозаики, из парадигм Риторик-свода. Обнаружение этих фрагментов в составе Риторик-свода открывает в ряде случаев самую раннюю страницу их литературной истории. Риторика-свод оказывается своеобразной творческой лабораторией проповеди.

Структура слов Андрея Денисова отражает тенденцию к многообразию и синтезу форм, которую описал Андрей Белобоцкий. Андрей Денисов свободно сочетал структурные элементы в зависимости от цели. Так, он мог писать слово по усеченной форме или по схеме удвоенной хрии, если надо было доказать две стороны явления (слово «О последних днях и скорбех»), помещать фему вместо начала в конец, эффектно завершая проповедь.

Анализ Риторик-свода и других сборников позволил выяснить ситуацию с авторством слов «О человеце» Андрея Денисова и «Рассуждения о предивном величестве природы человека» Семена Денисова, а также со словом «О краткости времени» Андрея Денисова и «Яко время прекращено есть прочее...» Семена Денисова. Оказалось, что названные слова Андрея Денисова (оба вошли в Антологию) полностью состоят из парадигм Риторик-свода и текстуально совпадают с основными частями слов Семена Денисова, который дополнил эти основы композиционной рамкой.

В разделе описана структура Риторик-свода. В последовательности уровней Риторик-свода I отражена тенденция барочных риторик ставить на второе место после *inventio* («изобретения») *elocutio* («витийство, или украшение»), а не диспозицию. Именно данные два раздела формируют структуру Риторик-свода II, теоретические разделы которой сопровождаются многочисленными краткими примерами, составленными Андреем Денисовым и Мануилом Петровым. Важной частью Риторик-свода I стали разделы, посвященные жанровым практикам, почерпнутые из Риторик Софония. Особенно подробно представлен раздел «О показательном роде», где содержится теоретическая основа эпидейктического жанра. На основе «Древа на похвалу девства» Андрей Денисов написал «Слово о девстве», полностью включенное в качестве примера в данный раздел (лл. 408–419). Особый раздел Риторик-свода I, составленный из фрагментов заимствованных сочинений (в основном Белобоцкого), посвящен вопросам барочной герменевтики («О четвероугольном разуме Священного Писания»). Риторик предстают в качестве теоретического обоснования важной жанровой черты проповеди – ее смысловой многозначности.

Анализ парадигм, составленных старообрядцами, показал, что риторика, насыщенная упражнениями в логике, была призвана учить выстраивать аргументацию в спорах с представителями властей («антистарообрядческие примеры, статьи о крестном знамении Андрея

Денисова, примеры Мануила Петрова «О пустынножителстве» и «О древнем чиносодержании» и др.), но ее главным назначением было обучение мастерству проповеди, в построении которой логика, рациональные принципы доказательств играли не менее важную роль.

Работа над Риторикой-сводом находилась в русле других проектов выговской литературной школы. Весь манускрипт написан рукой того же писца, который переписывал Риторику Белобочко, «Великую науку» Белобочко редакции Андрея Денисова, а также сборник сочинений Семена Денисова (РГБ, собр. Барсова. № 365), написанных по риторическим образцам. Риторика-свод как целостный сборник, объединивший две риторики, сохранилась в единственном списке, однако она отразилась в рукописной традиции выговцев (ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 23 (середина XVIII в., РГБ, собр Барсова, № 507, 1720-1770 гг.). Риторика-свод была связана сложными парадигматическими связями с риторическими и проповедническими сочинениями, как заимствованными, так и оригинальными старообрядческими. Она наглядно воплотила формирование нового, рационального типа творчества, основанного на приоритете словесного мастерства и стояла у истоков дальнейшего динамического процесса эволюции литературной культуры.

В разделе 2.2. *«Поэтика барочной проповеди»* исследуется категория остроумия в выговских риториках, а также структура, стилистика и семантика барочной проповеди старообрядцев. На материале неизученных прежде проповедей исследуется явление выговского барокко. Исследователи отмечали, что рецепция «остроумия» (асимен), лежащего в основе поэтики европейского барокко, в русской литературе не была однозначной. В творчестве Сильвестра Медведева, Евфимия Чудовского остроумие имеет ограниченные пределы и затрагивает, главным образом, уровень словесных фигур (в этом выражается «умеренный» характер московского барокко). Выговские риторики находятся в одном русле с данной тенденцией. В Риторике Софрония и в Риторике-своде признается важность остроумия для овладения риторическим мастерством, однако под этим термином понимается умение пользоваться логическими категориями, основанными на аристотелевских понятиях. «Остроумная», искусная проповедь должна была опираться на логический анализ явления. Вопросы, производные от аристотелевских категорий, использовались в построении структурных моделей проповеди («2-я философская форма»). Примерами ее реализации является Слово о покаянии Андрея Денисова, приведенное в Риторике-своде полностью, и Слово об ангелах («Приклад десяти истязаний о аггелех», включенное в Поморскую риторику.

Однако барочный метафоризм, принцип кончетто нашел воплощение в ряде сочинений выговских старообрядцев, в основном Андрея Денисова: в сравнении девства с павлином, в аллегорической основе слова о встрече персидского слона, трактуемой как ожидание встречи с Богом, в эмблемах как составной части проповеди.

В разделе 2.2.2. *«Смысловая двуплановость как жанрообразующий принцип»* рассматривается роль малых жанров (притчи, басни, эмблемы), а также аллегорического сюжета в семантической структуре барочной проповеди. «Приклады» усложняли архитектуру проповеди, создавая многоуровневость семантики. Проповедь оказывалась крупным жанровым образованием, ее смысл складывался из суммы параболических смыслов «внешних мест». В разделе анализируется история и эволюция терминов басни и притчи, содержащихся в выговских риториках. В качестве примеров к данным терминам использовались бродячие сюжеты европейской новеллистики («О Димосфене и сени осли и о судиях», польский аналог – фацеция «O cieniu oslim», восходящая к «Панчатантре»). Подчеркивая пользу басенных сюжетов в составе проповеди, авторы риторик предостерегали от смехового эффекта, рекомендуя разумное их использование. Басня, притча и паремии, основанные на параболической функции слова, сближались в барочных риториках, причем притча занимала промежуточное положение между басней и паремиями. Примеры свидетельствуют вместе с тем, что под притчей понимались скорее краткие иносказательные сентенции. Поморская риторика дает уже четкие терминологические определения, более приспособленные к потребностям обучения и отвечающие духу эпохи классицизма. Новшество внесено в определение басни, ее отличительной чертой назван вымысел.

Андрей Денисов включает в качестве прикладов в свои слова известные в мировой литературе сюжеты: о «человеке на рогожине» (сюжет о нищем, видевшем сон о прекрасных чертогах, близок к фабуле фацеции «О цесаре Королусе, како пианство изобличи», вариация восточного сюжета «Калиф на час»), о Ксерксе (Артаксерксе), плачущем при виде войска от осознания мимолетности жизни (сюжет известен по сборникам Апофегмат).

Старообрядческие проповедники отдали дань барочной теме *vanitas*, суеты сует (слова о времени Андрея и Семена Денисовых), в ее раскрытии они опираются на полный свод библейских цитат, их поэтическая рефлексия оказывается созвучной поэтическим мотивам Евфимия Чудовского (жизнь как непрестанно вращающееся колесо), авторов Апофегмат, украинских барочных поэтов.

Приемы барочной проповеди демонстрируются также на одном из ярких произведений Андрея Денисова, послании «с Москвы во общебратство» о встрече в Москве персидского слона, подаренного Петру I. При помощи богатого арсенала средств барочной стилистики автор нарисовал точную и художественно выразительную картину встречи слона, запечатлел детали его внешности, сцен ожидания и встречи. Описание слона, сделанное Денисовым, аналогов в предшествующей литературе не знает. В беседах на «Шестоднев» Василия Великого, в бестиариях и физиологах данный образ был предметом символично-аллегорической интерпретации, но изображение слона отличалось схематизмом. Андрей Денисов проявляет себя как мастер словесной живописи, пользующийся не только риторическими изысками, но и ярким народным языком: «нозе...толсты, яко бревно, толстотелесен, недолог по высоте, безшерстен, великоглав,

черновиден, горбоспинен, задопкляп, ступанием медведоподобен, от верхняя губы имея ... нос или губа или хобот, яко рукав платна, висящ до земли, им же аки рукою брашно и питие приемлет и согнув, во уста своя отдает. От верхних зубов два зуба велики вне торчат сюду и сюду, уши имея велики, яко заслоны печные, рошки малы, подобны агньчим, хвост подобен волуему». Показана динамичная сцена «игры» слона с беснующейся толпой, порывающейся приблизиться к нему. Однако данные эпизоды служат лишь поводом для назидания. Мораль легитимирует интерес художника к картинам земной жизни. Сложная герменевтическая процедура превращает живописную сценку в аллегорию, каждый фрагмент «реалистического» описания обретает символично-аллегорическое истолкование.

Стилистика и семантика барочной проповеди исследуется также на материале старообрядческих сочинений о человеке (раздел 2.2.3). В словах Андрея и Семена Денисова через использование сложной риторической формы и систему философских категорий люллизма утверждается концепция человека как любимого творения Господа. Слово Андрея Денисова начинается гимном человеку: «Человек есть вещь дивная, велия и всекрасная, дивно от предивнаго Бога осуществованная, о себе стоящая и в себе пребывающая...». Автор восхищается дивным устройством человеческого тела, воспевая «главы красоту правостоящую, выи доброту протяженую, плещь и груди мощь сильную», органами восприятия, чувств, чудесно согласуемых с жизнью души. В человеческом естестве проявляется единство ума, слова и духа: «Человек – презрядное Владычне создание, яко всесвятыма и неописаныма *рукама Божиима сплесканное*, тако всесвятым и животворящим дуновением его оживленное». Через понятие «естества» или «сущности» утверждает онтологический статус человека. Акцент на руках Бога находит соответствия в сочинениях апологетов (Тертуллиана и Лактанция), а также в патристике (Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Дамаскин). Показано, что в трактовке проблемы человека автор не выходит в целом за рамки христианской догматики.

Пафос утверждения достоинства человека, оправдания его природы созвучен идеями гуманистов: Манетти, а также Пико делла Мирандолы, который в «Речи о достоинстве человека» ставит человека в самом центре мироздания. Эта идея – одна из главных и в сочинениях о человеке Андрея и Семена Денисовых. Человек объединяет собой все миры, все уровни бытия, стоит на пересечении мироздания: «другии Божия творения предивный мир, всего великаго мира в себе пресветло изъявляя, истее же рещи, царь создания, владыка твари». В осмыслении идеи человека как микрокосма, известной в античности, в патристике и гуманизме, акцентированной и в барочных риториках, авторы ближе всего к Григорию Богослову, который трактовал человека не просто как другой мир, но как «некий второй мир, в малом великий».

Обращение старообрядцев к антропологической тематике было обусловлено потребностью осмыслить концепт человека в новых эстетических и философских категориях, привнесенных европейскими риторическими учениями, а также было обусловлено догматическими проблемами.

В разделе 2. 3. 1. *Компиляция как структурный принцип* рассматривается сочинение о человеке, написанное в рамках другой творческой системы, но продолжившее в трактовке человека сходные тенденции. А. М. Запьянцев, глава общины самокрестов, в 1909 г. создал сочинение «Что есть человек и какое он получи от Бога благородие». Приводя аргументы из Священного Писания, из святоотеческого наследия, виртуозно демонстрируя навыки компиляции, автор утверждает идею человека как образа и подобия Божия. Самокресты, выделившиеся из спасова согласия, отказалось не только от священства, но и от всех церковных таинств. Единственной возможностью спасения оставалось крестное знамение и личная молитва. Автор доказывает, что человек, от акта Творения, в котором участвовала Троица, и не нуждается более ни в каких посредниках между собой и Богом. Основные аргументы А.М. Запьянцева – цитаты, взятые из авторитетных источников. Свой труд А.М. Запьянцев, как древнерусский книжник, компилирует из фрагментов авторитетных текстов. Опираясь на Григория Богословия, он утверждает мысль об изначальном богоподобии человека и отражении в нем образа Святой Троицы. Цитируются Мефодий Патарский, Иоанна Златоуст, Феодор Студит, Иоанн Дамаскин и многие другие раннехристианские и ранневизантийские авторы.

В сочинениях о человеке старообрядцев разного времени прослеживается тенденция к апофеозу человека как творения Божьего, актуализируется мысль апостола Павла о человеке как Храме и престоле Бога. В ситуации отказа от священства, являющегося следствием эсхатологических убеждений, тенденция к возвышению, к акцентуации значимости человека представляется не случайной, поскольку меняется тип отношений с Богом, с которым человек выходит на «прямую связь».

В разделе 2.3.2 *«Библейские сюжеты в творчестве Афанасия Мурачева»* смысловая двуплановость, как одна из жанровых доминант старообрядческой проповеди, рассматривается на материале позднего старообрядческого творчества. Афанасий Мурачев в своих сочинениях совмещает книжные и фольклорные элементы, живо выражает личное отношение к библейским событиям. В проповеди-притче о Марфе и Марии автор, не отступая в целом от сюжетной канвы евангельского рассказа, насыщает текст психологическими деталями, бытовыми подробностями (описание обеда, который готовила для Христа Марфа, где были и «пирожки», и «шанежки», Христос, «приветно и ласково» глядя на хлопочущую, озабоченную «стряпней» Марфу, спокойно убеждает ее в несправедливости упреков, обращенных к сестре и т.д.). Мария представляется и выражение авторского идеала, и живой, земной девушкой, главным качеством которой автор считает душевную чистоту и девственность: «но Машенька, сидевшая у ног Иисуса, еще девушка, неповинная грехам человеческим; хотя невестные годы, но детская праведность. Она все еще та прекрасная благодатная куколка, Божиими руками и перстами углаженная...».

Произведения Афанасия Мурачева, посвященные евангельским персонажам (помимо проповеди-притчи о Марфе и Марии, это «Благовещение Пресвятыя Богородицы»), строятся на

наивной экзегезе. Детализированный пересказ событийного плана насыщен психологическими подробностями и проникнут лирическо-сентиментальной стилистикой. Книжные, библейские художественные формы, элементы ораторского красноречия сочетаются со стихией просторечия и фольклорным влиянием.

Жанровая типология старообрядческой проповеди определяется ориентацией на разные модели. Для выговских писателей первостепенное значение имели образцы, предписанные риториками, прежде всего барочными. В поздней проповеди возрождается принцип компиляции либо усиливается фольклорное влияние. Важной доминантой старообрядческой проповеди как жанра является смысловая двуплановость, выраженная через систему иносказаний. Метафоры, символы, аллегории, малые жанры, включенные в проповедь в качестве парадигм, поддерживали смысловую многоуровневость проповеди. Притча, наряду с библейскими тематическими ключами, активно используется и в ораторской прозе старообрядцев позднего времени. Проповедь староверов XX в. не имеет четких структурных очертаний, но именно наличие смысловой многомерности, параболическая функция слова обеспечивают жанровую идентичность проповеди. Проповедник, как правило, строит свой текст на интерпретации символов Священного Писания, библейского притчевого материала. Используется обширный нарративный материал, слово оратора вовлекает фольклорные, фацециальные сюжеты, но всякий раз буквальный смысл земных событий возводится к высшему духовному эквиваленту. Нарративный уровень всегда служит вспомогательную роль, является подспорьем и материалом в сложной многоуровневой семантической архитектонике проповеди.

В главе третьей «Старообрядческая утопия» прослеживаются истоки, структура и эволюция старообрядческой утопии, ее реализация в литературных текстах и связь с духовной культурой старообрядцев. В поле зрения – тексты XVIII-XX вв. (проповеди, духовные стихи, послания). Утопия рассматривается как наджанровое образование, представленное комплексом мотивов, составивших динамическое единство. Поскольку эсхатологические убеждения составляют сердцевину учения выговских старообрядцев, почти все составляющие этого комплекса основаны на актуализации апокалиптической символики. Теория «духовного антихриста», утвержденная Новгородским собором в 1694 г., была принята Выговскими идеологами. Рецепции данной теории способствовала барочная герменевтика, возродившая концепцию «четырех смыслов Священного Писания» и центральное внимание уделявшая «сенсу аллегоричному». На символично-аллегорическое прочтение образов Откровения св. Иоанна Богослова ориентировал Толковый Апокалипсис св. Андрея Кесарийского, основанный на комментариях раннехристианского неоплатоника св. Мефодия (III в.). Раннехристианская александрийская школа экзегезы оказалась созвучной барочной герменевтике с ее установкой на многозначность текста и была использована в эсхатологии выговцев.

Эсхатологические убеждения Андрея Денисова проявляются не только в догматических сочинениях (в главе на основе риторической структуры уточняется состав данных слов), но и во многих его проповедях и посланиях, реализуясь через систему ключевых мотивов, которые выстраивают основу утопического текста. Реконструкция утопического текста основана на анализе его произведений, впервые привлеченных к исследованию («Слово плачевно о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы», «Слово второе о страхе Божии», «Слово о последних днях и скорбех», «Поучение о наказании нечестивцев», Слова о вере, о девстве и другие, его посланий выговцам), проповедей, надгробных слов других авторов (Семена Денисова. Мануила Петрова), Поморских ответов, обобщающих историко-агиографических сочинений.

Выговская утопия включила ряд мифологем: «золотого века» (конструктивную роль сыграл «панегирический аспект» концепции «Третий Рим», в соответствии с которым Московская Русь представлялась как проекция рая на земле), 1666 г. как рубежной даты «пременения света на тьму», давшей толчок всемирной истории. Идея «Третьего Рима», воспринятая как из рукописной традиции сочинений «филофеева цикла», так и через авторитетную «Книгу о вере», в комплексе с мифологемой передачи «благодати» непосредственно от учения Христа (ее истоки – в Поморских ответах) формировала утопический хронотоп и открывала перспективы сакрализации пустыни и членов согласия.

Внешний мир, пораженный антихристом, трактуется через мифологему «века» (для его описания используются образы выжженной пустыни, бурлящего моря, океана). В противоположность ему Выг, подобно Святой Земле в древнерусской литературе, предстает пред-метафорой рая, а выговцы – путешественниками, находящимися в непрерывном движении. Их позиция – не статичное противостояние «веку», а постоянный динамичный процесс, в ходе которого они не только приближаются к конечной цели пути – к Высшему Иерусалиму, но и создают особое пространство, островок спасения в «каменистой пустыне».

Идея связи Выга и Небесного Иерусалима, постоянно совершаемого перехода от мира дольного в мир горний подчеркивается стилистическими средствами (параллельными синтаксическими конструкциями), утверждается через понятие «семьи», объединяющей как живых, так и умерших членов общины. Одно из этикетных обращений к выговцам Андрея Денисова – «жители Небесного Иерусалима».

В посланиях и проповедях Андрея Денисова формируется особое восприятие времени. Для выговцев оно если не остановилось, то поменяло свои характеристики. Каждый миг «здесь» приближает к вечности, насельники Выга среди мира зла пытаются «тленное превратить в нетленное», «тленную нищету в богатую вечность ввести». В качестве своеобразных инструментов преодоления времени мыслятся концепты «поновления» (через участие в церковных обрядах, в частности, пасхальный сюжет) и памяти. Актом выхода за рамки временной ограниченности и

встречи в точке вечности предстают сцены диалогов с преставившимися выговцами в надгробных словах. Акцентируется значение «умного зрения».

Для интерпретации Выга как места спасения активно использовались апокалиптические образы. Наиболее продуктивным оказался сюжет о Жене, облеченной в солнце, преследуемой драконом, из 12-й главы Откровения св. Иоанна Богослова. Жена трактуется как Церковь (единство верующих) и идентифицируется с Выгом. Ключевое значение для такой интерпретации имели слова Иоанна Златоуста: «Церковь есть не стены и покров, но вера и житие, не стены церковныя, но законы церковныя». Трактовка апокалиптической Жены как гонимой церкви возникла в раннем христианстве. Один из источников подобной экзегезы указан в книге, вошедшей в число важнейших старообрядческих книжных авторитетов, – в Толковом Апокалипсисе св. Андрея Кесарийского. Яркие персонифицированные образы Церкви-Выга конструируются Андреем Денисовым на основе контаминации мотивов, почерпнутых из Апокалипсиса, Евангелий, 3-й книги Ездры, из древнерусской литературы. Так, сюжетная основа «Слова плачевна о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы» использует средневековый сюжет о встрече путника с некоей женой, известный по летописям и о «Слову о нынешнем окаянном веке» Максима Грека. Рукописная история, в частности, анализ заглавий данного сочинения Денисова, обнаруженная краткая редакция свидетельствуют об интересе старообрядческих книжников к проблеме гонимой церкви.

Одна из ипостатей образа гонимой Церкви – изображение ее как матери, и, соответственно, пустынножители предстают как дети. Богословские основания для подобной интерпретации содержатся в той же 12-й главе Откровения, мифопоэтическая основа образа коренится в народно-христианской картине мира, в «материнском аспекте» народной религиозности (Г. Федотов). Частотность персонифицированных образов Церкви-матери в памятниках разных жанров позволяет причислить их к топике старообрядческой литературы.

Выговский хронотоп соединяет земной мир и небесную вертикаль. Особенно близкие отношения, по мысли Андрея Денисова, соединяют пустынножителей и Бога, лично опекающего «верных». Словами пророка Ездры проповедник обращается к выговцам с призывом к терпению и хранению заповедей, поскольку они уже спасены, и остается только не подвести ожиданий Отца. Выговская утопия предполагала жесткий дисциплинарный устав. Проповеди, слушанию которых предписывалось важное значение в выговских Уставах, служили *литературным эквивалентом* монастырского устава. Религиозный энтузиазм и художественный талант авторов, воодушевленность идеей и словом сыграли важную роль в создании и процветании обители.

В сочинениях Андрея Денисова художественно представлены основные составляющие «нравственного кодекса» выговцев. Вера уподобляется звезде, освещающей церковь: «аще и многи звезды блистают, едино же небо сих стяжавает», в Слове о девстве автор представляет Девство в

образе прекрасной царицы, встреча с которой уподобляется торжественному празднику. В словах обильно используются приемы ритмизации и весь арсенал барочной стилистики.

Слово о девстве Андрея Денисова опирается на раннехристианскую и древнерусскую традицию, а само оно, в свою очередь, вдохновило Андрея Борисова (конец XVIII в.) на тематически близкое, но отличное по жанровой структуре сочинение («Похвала девственником», последняя четверть XVIII в.). Опираясь на сходный цитатный слой, Слово Андрея Борисова выстраивается по законам молитвословного стиха. Это же отличает и другое, введенное в научный оборот позднее сочинение о девстве. Старообрядческая литература восстанавливает ориентацию на традиционные жанровые формы (в данном случае акафиста).

Та высота, на которую было поднято искусство слова, позволяет рассматривать Выг наряду с утопическими проектами гуманистической эпохи, видеть в нем своеобразную «платоновскую академию» или – при всех неимоверных сложностях быта, а в иные годы и в условиях крайних лишений и голода – некое подобие северной «аркадской идиллии».

Идеализированный образ пустыни в старообрядческой традиции исследуется также на материале духовных стихов из выговских сборников и из других, в том числе сибирских, собраний. Эволюция старообрядческой утопии рассматривается на основе сочинений о «прекрасной пустыне». Мифотворчество старообрядцев опиралось и на древнюю монастырскую традицию, в соответствии с которой качествами сакрального места наделялся монастырь. И Святая Земля, и монашеская пустыня связывались с райским топосом, воспринимались народно-религиозным сознанием как место, наиболее приближенное к Небу. Образы гонимой церкви, пустыни как последнего ее приюта нашли воплощение и в литературе урало-сибирских часовенных XX века. Центры пустынножительства, расположенные отнюдь не в райских местах Урала и Сибири, среди тайги и болот, описываются сквозь призму представлений о «прекрасной пустыне» (послания м. Елены, о. Нифонта).

К образу пустыни в нескольких своих сочинениях обратился о. Симеон, наставник часовенных и один из главных создателей Урало-Сибирского патерика. В конце 1930-х гг., покидая скиты в Колыванской тайге и отправляясь искать более безопасное место, он пишет послание, в котором воспекает и оплакивает покидаемую пустынь. Колыванские скиты названы центром всего российского пустынножительства. В другом его сочинении, «Девствующая Церковь Христова на Севере» (1949 г.), переплелись книжные и фольклорные элементы. В трактовке образа Жены, облеченной в Солнце, и идеального топоса пустыни таежный автор непосредственно на сочинение св. Мефодия Патарского «Пир 10 дев, или о девстве»: этот памятник III в. точно цитируется старообрядцем. Не меньшую роль в сочинении сыграла образность и интонации духовного стиха.

В заключении главы высказывается предположение о типологической связи выговской утопии с мистико-эсхатологическими учениями Средневековья и Раннего Нового времени, испытывшими влияние хилиазма (учение Иоахима Флорского, Томаса Мюнцера). Идея С.

Зеньковского о Выге как «русском варианте Civitas Dei, Града Божьего» подтверждается анализом литературных сочинений. Актуализация эсхатологических переживаний и выработка собственной независимой позиции в мире, переживающем драматические катаклизмы, сопровождалась поиском аргументов в разнообразных книжных источниках, приобщая старообрядческих авторов к общеевропейской культурной традиции. Опора на древние мифологемы, фольклорные архетипы обеспечила устойчивость воспроизведения утопических представлений и сохранение прочных связей с национальными корнями.

В главе четвертой «Старообрядческие книжные плачи» исследуются традиции древнерусского жанра книжных плачей, изначально сочетавшего книжные (библейские, церковно-литургические) и фольклорные влияния, в старообрядческой литературе. Выделена группа текстов, созданных в разных эстетических парадигмах и объединенных темой горестного оплакивания – лиц (в том числе новозаветных персонажей), церкви, ценностей, исчезнувших вместе с наступлением «последних времен». Поставлена проблема выявления устойчивых структурно-семантических признаков, общих для этих сочинений и определения почвы, обеспечившей эту общность.

Проблемам *жанровой типологии* старообрядческих плачей посвящен раздел 4.1. Наличие элементов устной народной причети в сочинении Аввакума «О трех исповедницах слово плачевное» отмечали А.И. Мазунин и Н. С. Демкова. На фольклорную, плачевую основу одного из выговских надгробных слов, «Сердца болезнь сестры убодающею остен...», обратила внимание в 1978 г. Е.И. Дергачева-Скоп. В главе показано, что и во многих других сочинениях, в том числе надгробных словах, развивавшихся в рамках проповеднического дискурса и имеющих разную художественную структуру, обнаруживаются образы, мотивы, а также интонации, характерные для народных причитаний.

В ритмически организованной структуре надгробных слов выявлены фрагменты, построенные в соответствии с ритмом народных плачей, в них использована дактилической клаузула, анапестическая анакруза. Некоторые сочинения выдержаны целиком в форме плача («Плач Церкви над пастырем» Трифона Петрова). В надгробных словах встречается мотив Церкви, оплакивающей своего пастыря (как в плаче Пермской Церкви из Жития Стефана Пермского).

Влияние богослужебной лирики, библейских плачей соединяется с влиянием жанра причети. К фольклорной образности относится «птичья» символика: скорбящих авторы сравнивают с горлицами, совами и кукушками. Частотны упреки покойному, требования встать, пробудиться, обращения к могильному покрытию, сравнения умершего с закатившимся солнцем, а гроба с избой без окон и без дверей. К топике поминальной причети относится поэтический мотив заклинания стихий, не редкий в надгробных словах. В плачах Андрея Денисова и его последователей выявлена метафора «чернил, смешанных со слезами»: *«со слезами чернило смесив...»*, *«предскажут чернил слезныя капли»*. Данная метафора находит параллель в

фольклорном мотиве «грамотки», заимствованном в похоронные плачи из свадебной причеты. Делается вывод, что надгробные слова обнаруживают несколько пластов стилистики, типологически сближающих их с древнерусскими плачами – помимо библейской и церковно-обрядовой образности, это ритмика и жанровая топка народной причеты.

Тему плача подчеркивают и особые приемы, специфичные для барочной стилистики: в «Слове плачевном о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы» семантика формируется за счет системы ключевых слов, образующих лейтмотивы плача, скорби, жалости и сердца.

На типичных для причеты ритмических приемах строится вопросо-ответное сочинение «Вопрос. Чесо ради ныне мнози нарицают время, достойное плача, и киих ради случаев Писание плакати повелевает» (опровергнута атрибуция его Андрею Денисову и доказано, что сочинение было написано не ранее 1760–х г. в другом согласии, скорее всего, в филипповском). Анализ этого сочинения в контексте рукописной традиции, догматики и идеологии старообрядчества представлен в разделе 4.2. **«Жанровый синкретизм книжных плачей»**. Данное сочинение является образцом жанрового синкретизма: элементы публицистического послания и эпистолярного жанра сочетаются с образной системой и ритмикой духовных стихов и фольклорных плачей.

Памятник унаследовал традиции древнерусской и выговской риторической литературы. Эсхатологическая тема «духовного» антихриста выражена в сюжетной форме отступления от Бога. Всеобщее отступление, как считает автор, затронуло все сферы жизни, духовную и светскую власть. В плачевой форме обосновывается идеология старообрядцев, отказавшихся от института священства вследствие воцарения «духовного» антихриста, переживающих осквернение церковью, невозможность совершения церковных таинств (в том числе венчания), рассматривается проблема споров между согласиями. Аксиологической нормой для автора сочинения о времени, достойном плача, служит состояние гармонии с природой, с «естеством». Утрата этой связи вследствие воцарения антихриста осмысливается как трагическое нарушение равновесия, как одно из знамений «последних времен». Горестные сетования сопровождаются критикой в адрес тех «христиан», кто, не считаясь с эсхатологической реальностью, пытается вступить в брак, обращаясь в «никонианские» церкви; выражается негативное отношение к государственной практике регистрации старообрядцев.

В разделе 4.3. рассмотрены **Старообрядческие плачи XX века**. Выявлено две авторские версии Плача Богородицы Афанасия Мурачева, краткая и распространенная. Как и в своей Повести о Благовещении, в Плаче Богородицы автор обращается к образу Божьей Матери. Лирические фрагменты (плач автора и плач Богородицы) вплетены в событийную основу, которая строится как ряд эпизодов, последовательно развертывающих звенья последнего этапа земной жизни Иисуса Христа – Страстной седмицы. Исследована структура, источники плачей Мурачева, фрагменты которых напоминают фольклорную причету («Возьми меня с собой, / прелюбезнейший

Сыночик Ты мой....»). Опираясь на традиции богослужебной лирики, автор создает оригинальный текст. В обращениях к Богородице подчеркивается то, что Она – прежде всего мать, «сосцами и млеко питающая Сыночка Своего», поэтому автор называет ее «чадолюбивая мама», «сердобольная мама». Принцип многократного повторения возгласов, обращенных к Богородице, заканчивающихся сложными именованиями, напоминает форму Акафиста Богородице. Ведущим является принцип парафразы, некоторые эпизоды подвергаются распространению и детализации.

В разделе исследуются также другие плачи, созданные в старообрядческих поселениях урало-сибирских часовенных в XX в. Все они отразили важнейшую тенденцию, свойственную позднейшей старообрядческой литературе в целом: сильное влияние фольклорных жанров. Плач матушки Елены (начало 1920-х годов) соткан из библейских и фольклорных реминисценций. Узнаются мотивы птенцов, разоренного гнезда, известные по фольклору. Плач пустыни широко представлены и в покаянных и духовных стихах, сборники которых в изобилии представлены в рукописной традиции старообрядцев. Несколько плачей включено в Берестяную книгу, созданную в 1991 г. А.Г. Мурачевым. В плачах Пустыни, написанных в связи с разгромом скитов войсками НКВД в 1951 г., слышны протяжные интонации заплачек, встречается характерный для причети мотив разоренного гнезда.

Делается вывод, что значительное количество старообрядческих сочинений продолжают традиции книжных плачей. Как и многим произведениям старообрядческой литературы, им присущ жанровый синкретизм. Подобно древнерусским книжным плачам, плачи старообрядческие посвящены не только конкретному «земному» человеку, предметом скорби может быть и участь церкви в последние «гонительные» времена, и разоряемая пустынь, и библейские события. Эти сочинения в разной степени совмещают в себе книжные и фольклорные влияния. Образный строй библейских плачей и церковно-литургической поэзии, а также топику и интонации фольклорной причети можно считать тем архетипическим потенциалом, который обеспечивает «память жанра».

Глава пятая «Агиографический жанр в современной старообрядческой литературе» состоит из трех основных разделов.

В разделе 5.1. **«Старообрядческая агиография в контексте эволюции жанра»** определяются подходы к изучению старообрядческой агиографии, продолжающей традиции древнейшего жанра, интерес к которому в медиевистике остается по-прежнему высоким. Старообрядческая агиография рассматривается в контексте эволюции агиографического жанра в русской литературе, имевшей место в переходную от Средневековья к Новому времени эпоху.

В разделе 5.2. выявляются такие **особенности старообрядческой агиографии**, как ярко выраженное персоналистическое начало, динамизм сюжетной основы. Важное значение для продуцирования и оформления агиографических текстов имела рассмотренная в других разделах диссертации историософская концепция, в соответствии с которой старообрядцы считали себя продолжателями древнейших христианских традиций. Мифологема передачи благочестия

обеспечивала возможность интериоризации сакрального в сферу старообрядчих поселений и возможность сакрализации членов согласия.

Раздел 5.3. посвящен *модификации агиографического жанра в Урало-Сибирском патерике*. «Урало-Сибирский патерик» – обширное историко-агиографическое сочинение, созданное в конце 1940-х – начале 90-х гг. в крупнейшем на востоке России старообрядческом часовенном согласии. В основе памятника – сочинения староверов XVIII–XIX вв. по истории собственной конфессии, записи устных преданий, авторские тексты составителей патерика, крестьянских писателей. Из 220 глав Патерика несколько десятков представляют собой жизнеописания пустынножителей, выполненные в жанре агиографии. В Патерике отражены также такие традиционные жанры древнерусской литературы и фольклора, как чудо, эсхатологическое видение, легенда, предание. Репрезентация агиографического жанра в Патерике выразилась через систему традиционных житийных топосов.

Из совокупности точек зрения редакторов и авторов отдельных рассказов воссоздается образ персонажа, соответствующий тому или иному типу святости. Авторы Патерика систематически применяют элементы агиографической топики: устойчивые формулы, мотивы, характерные для поэтики традиционного жития, сюжетные ситуации. Однако они сочетаются с элементами реалистического описания, с прорывом бытовых и психологических деталей. Отмечается, что подчас трудно провести грань между литературой и жизнью, отраженной в памятнике, между стремлением народного агиографа «вписать» героя в литературный канон и отражением реальной ситуации, воспроизводящей этот канон.

Типизация «по агиографическому типу» совмещается в Патерике с тенденцией к индивидуализации облика персонажа. В Патерике создан целый ряд ярких, самобытных образов подвижников, некоторые главы по жанру напоминают не столько жития, сколько литературные портреты. Благодаря проникновению в стиль Патерика просторечных оборотов, реальных бытовых и психологических деталей элементы агиографического канона не превращаются в шаблоны, обретая самобытную форму. Тонкая наблюдательность и литературный дар авторов обусловили то, что в духовном облике героев агиобиографий высвечиваются наиболее характерные черты, отражающие сугубо индивидуальный путь подвижничества.

Среди «арсенала» художественных средств народных писателей – слово самого персонажа, представленное как запомнившееся высказывание или, если персонаж обладал литературными способностями, перечнем его сочинения. Нередко приводятся цитаты из них, либо в текст глав целиком включаются сами произведения, становясь важным структурным элементом житийного комплекса. Отмечается, что в среде староверов-часовенных образованность в Священном Писании, и, «дар слова» ценились чрезвычайно высоко и расценивались как один из видов подвижничества. Письма, содержащие цитаты и из Библии, и из духовных стихов, поучения, написанные ярким поэтичным языком, плачи, открывают целый ряд имен талантливых народных писателей.

В **заключении** кратко подводятся итоги исследования. Литературная культура старообрядцев предстает как сложное динамическое единство, объединенное общностью идеологической почвы, традиционных жанровых форм, опорой на фундаментальные мифологемы национальной духовной культуры. Вместе с тем в ее рамках реализованы разные типы творчества. Риторически ориентированная литературная школа выговских старообрядцев сформировалась в итоге утверждения концепции «любомудрия», в соответствии с которой литературное творчество находилось в тесной связи с освоением риторических учений, общей филологической культуры. Принцип следования авторитетным образцам подвергся существенной корректировке в начале XVIII в., продуцирование новых текстов предполагало освоение правил их создания, начиная с уровня инвенции. Принимая культурные новации, старообрядцы оставались на почве национальных духовных традиций. Это нашло выражение не только в сфере религиозных ценностей и базовых мифологем, восприятия всей полноты книжного наследия, но и в сфере книжной культуры, отношения к письменности как к сакральной сфере. Риторика была направлена в первую очередь на создание новой действенной проповеди, проповедь же идеологически обосновывала старообрядческую утопию. Анализ рукописного наследия выговских писателей позволяет сделать вывод о том, что литература играла моделирующую роль в старообрядческой утопии, которая находилась в центре духовных поисков старообрядчества.

Проповедническое начало пронизывает старообрядческую словесность, однако в начале XVIII в. проповедь обретает четкие жанровые формы, определяемые ориентацией на ретиорику. В поздней литературе преобладают синкретичные жанровые формы, вновь становится актуален принцип компиляции, усиливается мифопоэтическое и фольклорное начало. Между тем вплоть до конца XX в., проявляясь в модифицированном виде, обнаруживают свой креативный потенциал такие древнейшие жанры, как плачи, агиография.

Старообрядческая идеология и литература базируются на общем круге фундаментальных мифологем, корнящихся в древнерусской ментальности. В творчестве старообрядческих писателей разного времени присутствуют общие литературные источники: Андрей Денисов и наставник часовенных XX века о. Симеон, писавший в таежных скитах Зауралья, опирались не близкий круг «книжных авторитетов», среди которых - не только патристика и книги Священного писания, не только книги, вышедшие из Киевской митрополии («Книга о вере», «Кириллова книга», Толковый Апокалипсис Андрея Кесарийского), но и труды раннехристианского неоплатоника Мефодия Ликийского (Олимпского), ранневизантийских христианских мистиков и исихастов. В число авторитетных книг уже к середине XVIII в. входит старообрядческая литература более ранних периодов, в том числе раннего Выга, вливаясь в поток старообрядческой письменности. Старообрядческая литература предстает единым, динамично развивающимся текстовым пространством, объединенным многими линиями преемственности.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Журавель, О.Д. Рец. на книгу: О древней и новой литературе: Сб. ст. в честь профессора Н.С. Демковой / Отв. ред. М.В. Рождественская; сост. А.Г. Бобров, Т.Ф. Волкова, И.А. Лобакова, М.В. Рождественская. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005. 331 с. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2007. – Т. 6, вып. 2: Филология. – С. 133–136 (0, 5 п.л.).
2. Журавель, О.Д. Рец. на книгу: Человек в культуре русского барокко: Сб. ст. по материалам междунар. конф. / ИФ РАН; Историко-архивный музей «Новый Иерусалим». 28–30 сентября 2006 г. М., 2007. 613 с. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2008. – Т. 7, вып.2: Филология. – С. 140–143 (0, 5 п.л.).
3. Журавель, О.Д. О барочных тенденциях в старообрядческой книжности первой трети XVIII века / О.Д. Журавель // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Культура народов Сибири. – 2008. – № 3. – С. 12–17 (0, 8 п.л.).
4. Журавель, О.Д. «Разум Христов» и «любомудрие»: две концепции мудрости в народно-христианской литературе старообрядчества / О.Д. Журавель // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 7, вып. 2: Филология. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – С. 117–123 (0, 6 п.л.).
5. Журавель, О.Д. К изучению старообрядческой агиографии: ситуация преставления / О.Д. Журавель // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. – 2009. – № 3. – С. 24–28 (0, 6 п.л.).
6. Журавель, О.Д. «Книга Степенная царского родословия и русское историческое сознание» (Международная научная конференция – Лос-Анджелес, 26–28 февраля 2009 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. – 2009. – № 3. – С. 131–132. 0, 3
7. Журавель, О.Д. Старообрядческое сочинение 1909 г. о человеке: истоки, контекст / О.Д. Журавель // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Т. 9, вып. 2: Филология. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2010. – С. 147–154 (0, 8 п.л.).
8. Журавель, О.Д. Старообрядческие книжные плачи: проблемы жанровой типологии / О.Д. Журавель // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. – 2010. – № 3. – С. 11–15 (0, 6 п.л.).
9. Журавель, О.Д. Церковь в кончину времен: у истоков Выговской утопии / О.Д. Журавель // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т.10, выпуск 2: Филология. – С. 98–107 (0, 95 п.л.).
10. Журавель, О.Д. «Примеры» из риторик и литературная культура старообрядцев Выга / О.Д. Журавель // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2011. – Т. 10, выпуск 8. – С. 149–158 (0, 9 п.л.).

11. Журавель, О.Д. О некоторых принципах работы старообрядческого агиографа в XX в. / О.Д. Журавель // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 78–81 (0, 5 п.л.).
12. Журавель, О.Д. «Остроумие есть изящность естества ума»: к вопросу о барокко выговских старообрядцев / О.Д. Журавель // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 48–54 (0, 5 п.л.).
13. Журавель, О.Д. Символика меда и пчел в творчестве Андрея Денисова / О.Д. Журавель // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 12. – С. 225–231 (0, 5 п.л.).
14. Журавель, О.Д. Предисловия в старообрядческой рукописной традиции / О.Д. Журавель // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 4. – С. 57–62 (0, 5 п.л.).
15. Журавель, О.Д. История и культура купечества Востока России: лица и судьбы / О.Д. Журавель // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (124). – С. 292–294.

Монографии и монографические издания источников:

16. Журавель, О.Д. Сюжет о договоре человека с дьяволом в древнерусской литературе. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. – 234 с.
17. Журавель, О.Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII - начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 442 с.
18. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / изд. подгот. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 439 с. – (История Сибири. Первоисточники; вып. X). (35,6 п.л. / 8 п.л.)
19. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и коммент.: в 3 т. Т. 1. Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 622 с. (в соавт. с Н.Н. Покровским, А.В. Сиреновым и др.) (48, 37 п.л. / 12 п.л.).
20. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и коммент.: в 3 т. Т. 2. Степени XI–XVII. Приложения. Указатели / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 563 с. (в соавт. с Н.Н. Покровским, А.В. Сиреновым) (46 п.л. / 12 п.л.).
21. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005. – Т.2. – 584 с. (в соавт. с Н.С. Гурьяновой, Н.Д. Зольниковой и др.) (38,1 п.л. / 3 п.л.) (История Сибири. Первоисточники; вып. XII).
22. Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. – 405 с. (в соавт. с Н.Н. Покровским, Н.С. Гурьяновой и др.) (30,5 п.л. / 3,9 п.л.) (История Сибири. Первоисточники; вып. XIII).

23. История литературы Урала. Конец XIV-XVIII в. / Глав. ред.: В.В. Блажес, Е.К. Созина. Часть II, гл. 4.1.2. Житие Симеона Верхотурского М.: Языки славянской культуры, 2012. – 608 с.: ил. (в соавт. с Е.К. Ромодановской) (76 п.л. /1 п.л.).
  24. Морфология дискурса лжи в литературе и культуре: коллективная монография: в 2 ч. / под ред. Н.А. Ермаковой; Мин-во образования и науки РФ, Новосиб.гос.пед.ун-т. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013 г. Часть I: Модусы лжи в литературе и культуре. – 171 с. (Глава 1, 1.4. «Правдивый» бес народно-христианской культуры. С. 37–48). (15 п.л./0, 8 п.л.)
- Другие публикации:*
25. Журавель, О.Д. К изучению топики старообрядческой литературы: ситуация «отшествия на безмолвие» // Культурное наследие средневековой Руси в традициях Урало-Сибирского старообрядчества: Материалы Всерос. науч. конф. / Новосибирск: Новосиб. гос. консерватория им. М.И. Глинки, 1999. – С. 74–84. 1, 4 п.л.
  26. Журавель, О.Д. Житие Симеона Верхотурского (К изучению литературного творчества Игнатия Римского-Корсакова) // Источники по русской истории и литературе. Средневековье и Новое время. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – С. 73–93. 1, 4 п.л.
  27. Журавель, О.Д. «Мать-пустыня» (К проблеме изучения народно-христианских традиций в культуре старообрядчества) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. С. 32–41. 0, 8.
  28. Журавель, О.Д. К изучению топики старообрядческой культуры: пустыня как Святая Земля / О.Д. Журавель // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: История, филология. – 2001. – № 3. – С. 56–60 (0, 5 п.л.)
  29. Журавель, О.Д. «Девствующая церковь Христова на Севере» о. Симеона – памятник современной старообрядческой литературы // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – С. 274–291. 1, 2
  30. Журавель, О.Д. «Мы безумны Христа ради...» (К вопросу о месте юродства в культуре старообрядчества) / О.Д. Журавель // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. – 2002. – Вып. 2. – С. 32–36 (0, 5 п.л.).
  31. Журавель, О.Д. «Повесть известная и свидетельствованная о проявлении честных мощей и отчасти сказание о чудесах святого и праведного Симеона, новаго Сибирскаго чюдотворца»: модификация агиографического канона в XVII веке / О.Д. Журавель // Славянский альманах. 2002. – М.: Индрик, 2003. – С. 311–318.
  32. Журавель, О.Д. К изучению жанрового состава современной старообрядческой литературы: видения потустороннего мира в составе Урало-Сибирского патерика // Книга и литература в культурном контексте. Сб. науч. трудов, посвященных 35-летию археографической работы в Сибири. 1965–2000 гг. Новосибирск: изд-во ГПНТБ СО РАН, 2003. – С.459–468. (0, 8 п.л.)

33. Журавель, О.Д. Повествования агиографического типа в поздней старообрядческой традиции (на материале Урало-Сибирского патерики) // Исторические и литературные памятники "высокой" и "низовой" культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С.204–228. (1, 8 п.л.)
34. Журавель, О.Д. Старообрядческий писатель Афанасий Мурачев: новые сочинения на евангельские сюжеты // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Развитие традиций. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – С. 286–307. (1, 2 п.л.)
35. Журавель, О.Д. Повесть о видениях пустынножителя Михаила – памятник старообрядческой литературы / О.Д. Журавель // Гуманитарные науки в Сибири. –2004. – № 3. – С.16–23 (0, 8 п.л.)
36. Журавель, О.Д. «От великаго моря в мал сосуд воды почерпаем...» (еще раз о Выговской переработке «Великой науки» Раймунда Люллия) // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в рукописных источниках XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – С.373–388. (0, 8 п.л.)
37. Журавель, О.Д. «Плач Богородицы» Афанасия Мурачева – памятник современной старообрядческой литературы // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Второй межрегиональной конф./ Новосиб. Гос. ун-т. Новосибирск, 2005. – С. 192–197. (0, 6 п.л.)
38. Журавель, О.Д. К истории образа церкви в старообрядческой литературе: «Слово плачевно о злостраданиях и скорбех Церкви Христовы» Андрея Денисова // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. – С.199–218. (1, 2 п.л.)
39. Журавель, О.Д. Образ церкви в поздней старообрядческой литературе (к проблеме изучения народно-христианских представлений) // Сибирь на перекрестье мировых религий: Материалы Третьей межрегиональной науч. – практической конф., посвящ. памяти М.И. Рижского. Новосибирск: Новосиб. Гос. ун-т, 2006. – С. 184–187. (0, 4 п.л.)
40. Журавель, О.Д. Женские образы в современной агиографии староверов-часовенных (на материале Урало-Сибирского патерики) // Женщина в старообрядчестве. Материалы международной науч. – практической конф., посвященной 300-летию основания Лексинской старообрядческой обители. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. – С. 139–144. (0, 25 п.л.)
41. Журавель, О.Д. Старообрядческое сочинение о времени, достойном плача, как памятник народно-христианской литературы // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – С. 219–251. (2 п.л.)

42. Журавель, О.Д. Басня, притча и проповедь в Выговской риторической традиции // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 92–103. (0, 8 п.л.)
43. Журавель, О.Д. Новые сведения о выговской книжности (на основе сборника из коллекции рукописей Института истории СО РАН) // Книга в пространстве культуры. Сб. статей. М.: РГБ (приложение к журналу «Библиотекосведение»). М.: РГБ, 2008. – С. 47–57. (1, 2 п.л.)
44. Журавель, О.Д. Структура и окончание проповеди в риторической традиции раннего Нового времени (на материале сочинений Андрея Денисова) // Поэтика финала. Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. д. филол. н. Т.И. Печерской. Новосибирск: ГОУ ВПО «Новосибирский государственный педагогический университет», 2009. – С. 139–146. (0, 8 п.л.)
45. Журавель, О.Д., Покровский, Н.Н. Степенная книга: шаг к истокам / О.Д. Журавель, Н.Н. Покровский // Наука из первых рук. – 2009. – № 2. – С. 22–23 (0, 25 п.л./0,1 п.л.).
46. Журавель, О.Д. «Человек есть вещь дивна...» (традиции христианской антропософии в сочинениях писателей-старообрядцев) // «Человек есть вещь дивна...» (традиции христианской антропософии в сочинениях писателей-старообрядцев) // Православие в судьбе Урала и России: история и современность: Материалы Всерос. Науч.-практ. конф. (г. Екатеринбург, 18–20 апреля 2010 г.) Екатеринбург: ИИА УрО РАН; Изд-во Екатеринбургской епархии, 2010. – С. 202–207. (0, 6 п.л.)
47. Журавель, О.Д. «Росту средняго, взору свирепаго...»: демонологические образы в народной культуре (по рукописно-книжным и документальным источникам XVII–XX вв.) // Международная конференция «Демонология как семиотическая система. Изображение. Текст. Народная культура. Москва, РГГУ. 18–19 июня 2010 г. Тезисы докладов. М.: РГГУ, 2010. – С. 26–30. (0, 25 п.л.)
48. Журавель, О.Д. К изучению поэтического стиля Андрея Денисова: «Послание с Москвы во общебратство» о встрече в Москве персидского слона // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. – С. 95–118. (1, 5 п.л.)
49. Журавель, О.Д. О почерках древнейших списков Степенной книги и о некоторых вопросах ее ранней истории // The Royal Book of Degrees and Russian Historical Consciousness / Ed. by A. Kleimola and G. Lenhoff. Bloomington; Indiana. 2011. – P. 33–49. (1, 2 п.л.)
50. Журавель, О.Д. Время и вечность в творчестве Андрея Денисова (к постановке проблемы) // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск: Изд-во Наука, 2009. – С. 90–115. (1, 75 п.л.)

51. Журавель, О.Д. Выговские риторика и проблема жанровой типологии старообрядческой проповеди // Общественное сознание и литература России: источники и исследования. Сб. науч. трудов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – С. 54–87. (2, 3 п.л.)
52. Журавель, О.Д. «Походим умными очима...» (к изучению традиции поминовения в литературе старообрядчества) // Уральский сборник: История. Культура. Религия. – Вып. 7, ч. 2. – Екатеринбург: УрГУ, 2010. – С. 134–144. (0, 6 п.л.)
53. Журавель, О.Д. Европейские риторика и искусство проповеди Андрея Денисова // Рябининские чтения – 2011. Материалы VI конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – С. 438–441. (0, 3 п.л.)
54. Журавель, О.Д. Демонологические образы в парадигме сюжета о договоре с дьяволом (русские версии) // In Umbra. Демонология как семиотическая система. Альманах. Вып. 1. М.: РГГУ, 2012. – С. 345–363. (1 п.л.)
55. Журавель, О.Д. Старообрядческие сочинения начала XVIII века о человеке // Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. : сборник научных трудов / Российская акад. Наук, Сибирское отделение, Ин-т истории; отв. ред. Н.Н. Покровский. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – С. 134–191. (3, 6 п.л.)
56. Журавель, О.Д. Ян (Андрей) Белобокский и литературная культура выговских старообрядцев // Проблемы российско-польской истории и культурный диалог: материалы Международной научной конференции (Новосибирск, 23-24 апреля 2013 г.) Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. С. 419-429 (0, 6 п.л.).
57. Zhuravel O., Soboleva L. Old Belief in the Mirror of Literary Work / O. Zhuravel, L. Soboleva // QUAESTIO ROSSICA: STUDIES IN HUMANITIES. 2013. № 1. S. 173-192.